

На правах рукописи

ГРУШЕВСКАЯ Елена Сергеевна

**АДРЕСАТНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
ЦЕННОСТИ, СТРАТЕГИИ, СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ**

10.02.19 – Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Майкоп 2019

Диссертация выполнена в ФГБОУ ВО
«Адыгейский государственный университет»

Научный консультант

Карасик Владимир Ильич
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Алферов Александр Владимирович,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры французской филологии и
межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО
«Пятигорский государственный университет»

Манаенко Геннадий Николаевич,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка
Гуманитарного института ФГАОУ ВО
«Северо-Кавказский федеральный
университет»

Матвеева Галина Григорьевна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры «Мировые языки и
культуры» ФГБОУ ВО «Донской
государственный технический университет»

Ведущая организация –

**ГОУ ВО «Московский государственный
областной университет» (г. Москва)**

Защита диссертации состоится «15» ноября 2019 года в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.001.09 по филологическим наукам при ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, конференц-зал.

С текстом диссертации можно ознакомиться в научной библиотеке им. Д.А. Ашхамафа ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 260 и на сайте университета: http://old2.adygnet.ru/nauchrab_page/527

Автореферат разослан «___» _____ 2019 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета А.Ю. Баранова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Данная диссертационная работа, посвященная категории адресатности в политическом дискурсе, выполнена в русле дискурсологии и персонологии с учетом тенденций современной политической коммуникации. ***Степень разработанности проблемы*** рассматривается в следующих позициях: предпосылки в качестве теоретических разработок дискурса, политического дискурса и категории адресатности; а также экстралингвистические реалии, указывающие на современные тенденции в политической коммуникации.

Исследование политической коммуникации, политического дискурса, будучи актуальным направлением, находит толкование в различных аспектах. Политический дискурс характеризуется как дискурс власти (Астафурова, Олянич 2008; Баранов 1997; Водак 1997; Карасик 2000; Романов 2002; Чернявская 2006; Шейгал 2000 и др.). Отдельные исследования посвящены идеологическому контексту и тональности политического дискурса (Волошинов 1995; Майданова, Челкина 2011; Могилевская 2011; Фуко 1996 и др.), его лингвокультурным признакам (Попова 1995; Спиридовский 2011 и др.), а также интегративному характеру в пространстве других видов дискурса (Желтухина 2014; Морозова 2012; Карасик 2000; Шейгал 2000 и др.). Изучение принципов типологизации дискурса показывает интегративный и дифференцированный характер видов дискурса в дискурсивном пространстве. Подобная детерминация позволяет рассматривать субъектов (адресатов) коммуникации, с одной стороны (с учетом понятия интегративности), как потенциальных субъектов (адресатов) для любого вида дискурса, с другой стороны (с учетом понятия дифференцированности), как специфически, т. е. типологически обусловленных адресатов в каждом из видов дискурса. Такой подход – от абстрактного к конкретному – предполагает возможность конструирования матрицы типологически дифференцированной адресатности. При этом дискурс, понимаемый как живой коммуникативный процесс, нуждается в дальнейшем исследовании с акцентом на категорию адресатности, представляющую реальных участников в частности политического дискурса. В связи с этим ценностно-стратегический потенциал и тематическая направленность дискурса как компоненты дискурсивной модели получают новый импульс для изучения в контексте современной политической коммуникации. «Дискурс власти» (и «власть дискурса»), до настоящего времени эксплицирующей роль стратегии воздействия, отныне приобретает новые очертания: «уже сегодня дают прогнозы относительно того, что современное общество по мере развития информационно-коммуникационных технологий перейдет от представительной демократии к демократии *соучастия* (курсив наш. – Е.Г.), в рамках которой важнейшие решения, касающиеся жизни граждан, будут приниматься в интерактивном режиме путем вовлечения в обсуждение и принятие решений широких слоев населения, коммуницирующих между собой и с властью по различным вопросам» (Володенков 2011).

Исходя из этого, в направлении изучения языковой личности, понимаемой в качестве «центрального *системообразующего* звена коммуникативного процесса» (Леонтович 2007: 99) (курсив наш. – Е.Г.), категория адресатности становится средоточием расширенного поиска референциальных возможностей, обусловленных двуединой сущностью, и толкуется как совокупность адресанта и адресата: «Всякий раз, когда говорящий имеет дело с некоторым сообщением – в качестве отправителя, стремящегося дать адекватное языковое выражение своей мысли применительно к адресату, либо в качестве получателя, стремящегося удовлетворительным для себя образом истолковать предложенное сообщение и соответственно с этим строить свое собственное языковое поведение в этой ситуации, – эта его деятельность протекает в незримом окружении множества прецедентов, отложившихся в его языковом опыте» (Гаспаров 1996: 297). Подобная сущность категории адресатности, выраженная в эксплицитном (реальный диалог) и имплицитном (потенциальный диалог, либо внутренний монолог) диалоговом режиме, становится базой для характеристики не только исключительно институциональных ограничений, но персональных диспозиций субъектов дискурса. В подобном ракурсе, таким образом, отдельные работы, посвященные таким понятиям, как «говорящий»/ «слушающий», «адресант»/ «адресат», «участники дискурса» «субъекты коммуникации» и др. (Арутюнова 1981, Ефремова 2000; Желтухина 2004; Жеребило 2010; Колшанский 1984; Романова 2009; Степанова 2010; Якубинский 1986 и др.), требуют дальнейшего изучения с целью предложить новый подход, в котором перечисленные роли коммуникантов могут быть объединены в понятие «адресатность», рассматриваемое в двух ракурсах – онтологическом (симметричном) и прагматическом (асимметричном).

В связи с этим, ограниченная дескрипция так называемой стратегии воздействия не способствует формированию целостной картины дискурсивного процесса как процесса естественного взаимодействия. В научной литературе, как мы отметили, стратегический потенциал исследуется, как правило, с точки зрения стратегии воздействия с конечной целью убеждения. Представляется, что данный подход включает презумпцию существования неблагоприятных условий, для преодоления которых моделируется вербальная и невербальная база стратегий и тактик, способных нейтрализовать / предупредить, прежде всего, потенциальные негативные последствия. В свою очередь, нейтрализация презумпции возможных отрицательных последствий, тем самым, позиционирование презумпции позитивной природы создает основание для исследования и выявления факторов альтернативного характера. Новый ракурс релевантен с точки зрения концепции о закрытом характере дискурса, соответственно – закрытости когнитивной системы, что предопределяет альтернативное толкование стратегии воздействия (убеждения) (Матурана 1996). Исходя из данной концепции, актуально рассмотрение проблемы с точки зрения объединяющего начала, обеспечивающего максимальное совпадение

когнитивной составляющей в частности в картинах мира субъектов политического дискурса. При этом нельзя игнорировать новые процессы социально-политического и культурного характера, репрезентирующие различные явления, события, факты из сферы политической коммуникации, нашедшие отражение в языке, к примеру, в таких понятиях, как «Коллективный Запад», «День Народного Единства», указывающих на тенденциозность объединяющего начала как ценностно-стратегического феномена, как во внешнеполитическом, так и внутривнутриполитическом дискурсе.

Актуальность выполненной работы, таким образом, определяется следующими моментами: 1) фактор адресата является важнейшим условием существования языка и коммуникации, определяя, по М.М. Бахтину, природу языка, при этом в институциональном дискурсе адресатность характеризуется специфическими признаками, которые еще недостаточно освещены в лингвистической литературе; 2) политический дискурс представляет собой многоаспектное динамичное коммуникативное образование, которое в наше время неразрывно связано с другими типами институционального общения, образуя неразрывное единство с присущими ему категориями, требующими изучения также в персональном ракурсе с учетом диспозиционального фактора; 3) исследование адресатности в политическом дискурсе дает возможность синтезировать достижения прагмалингвистики, социалингвистики, политлингвистики, медиалингвистики и дискурсологии и тем самым определить направления развития современного антропологического языкознания в расширенном ракурсе, включая онтологический (неконвенциональный) и прагматический (конвенциональный) аспекты, характеризующиеся ценностными, стратегическими, тематическими признаками в интегративном пространстве дискурса.

Объектом исследования является адресатность в политическом дискурсе – установление параметров и характеристик адресата как участника институционального дискурса. В качестве **предмета изучения** рассматриваются ценностные, стратегические и тематические признаки адресатности.

В качестве фактического материала исследования нами были избраны текстовый и дискурсивный форматы. В текстовый формат включены политические тексты и фрагменты на русском, английском, французском языках конца XX – начала XXI вв. (общий объем – 14 п.л.), представляющие собой различные жанры внутривнутриполитического и внешнеполитического дискурса – инаугурационные речи президентов; речи, выступления, обращения, послания агентов политического дискурса различных уровней; интервью с политиками. В дискурсивный формат вошли материалы опроса по теме «Политика» (количество респондентов – около 400 человек разного возраста, социального статуса и пола), анализ и обобщение которых позволил выявить различные диспозиции и степень субъективности «адресантов» vs «адресатов» на базе анонимного выражения своего отношения в виде высказываний различного объема – от

реплик до массива рассуждений. Общий объем собранной нами картотеки составил около 2400 примеров, в которых репрезентируются лингвистические маркеры – лексические единицы, выявляющие различную актуализацию текстового и дискурсивного форматов политической коммуникации, своеобразие которых обусловлено институциональностью / персональностью, конвенциональностью / неконвенциональностью.

В основу работы положена следующая *гипотеза*: адресатность в институциональном дискурсе определяется интегративным сочетанием трех факторов – институциональностью как типом взаимодействия субъектов общения, разновидностью институциональной коммуникации и специализацией адресатов в рамках определенного дискурса; такое сочетание проявляется в ценностном, стратегическом и тематическом аспектах; существуют определенные знаки специализированной адресатности в политическом дискурсе, которые могут быть объективно установлены и описаны с помощью методов лингвистического анализа.

Цель работы – комплексная характеристика адресатности в политическом дискурсе с позиций его ценностей, коммуникативных стратегий и тематической специализации.

В соответствии с заявленной целью в диссертации поставлены следующие *задачи*:

- определить подходы к изучению адресатности как категории институционального дискурса;
- выявить специфику проявления адресатности в политическом дискурсе;
- разработать понятийный аппарат для исследования адресатности в политическом дискурсе;
- охарактеризовать ценностные параметры адресатности в политическом дискурсе;
- определить стратегические параметры адресатности в политическом дискурсе;
- описать тематические параметры адресатности в политическом дискурсе;
- разработать методику изучения адресатной специализации в политическом дискурсе.

Методы исследования комплексно заданы сообразно цели, задачам диссертационной работы. Их применение направлено на изучение ее методологического и эмпирического аспектов. Метод анализа и синтеза использован вкупе с гипотетико-дедуктивным методом, позволившим позиционировать феномен объединения как интегративный ценностно-стратегический феномен. Метод сплошной выборки способствовал сбору разнообразных примеров, в которых нашли отражение различные факты, явления, события, характеризующие многомерность дискурса. Deskриптивный метод, в основе своей содержащий непосредственное наблюдение, анализ, сопоставление и классификацию / таксономизацию

вербальных и невербальных фактов и явлений, создал основу для метода интерпретации как аргументативно-дискурсивного анализа, основанного на вычленении пресуппозиций двух видов – семантических и прагматических. Семантические пресуппозиции представлены и интерпретированы в аксиологическом аспекте различных смыслов, а прагматические – в стратегическом аспекте с диспозициональной референцией. Метод опроса расширил возможности исследования проблемы адресатности с целью получения новых данных, имеющих значимость в процессе интерпретации обратной связи как значимого фактора реального дискурсивного взаимодействия. Метод проекции применен как средство интегративного и дифференцированного применения теоретических и эмпирических данных, совокупность которых способствует реализации метода моделирования. Собственно метод моделирования был применен нами при формировании матрицы референциальных отношений, а также при характеристике типов диспозиций, обуславливающих выявление типа адресанта vs адресата в дискурсе респондентов.

Методологическая и теоретическая основа исследования.

Общезнаменитый, общенаучный, частнонаучный методологический ракурс работы основывается на общепризнанных научных положениях, нашедших свое выражение в различных концепциях, теориях отечественных и зарубежных лингвистов, изложенных в трудах по:

1) философии и риторике; философии языка и лингвистической аргументации (Аристотель 1978, Бахтин 1990, Баранов, Сергеев 1988, Васильев 2014, Волошинов 1995, Делёз 1998, Деррида 1999, Ивин, Никифоров 1997, Лосев 1982, Остин 1987, Петров, Караулов 1989, Платон 1972, Фанян 2000, Фуко 1996, Хилпинен 1986, Шрейдер 1999, Regelman & Olbrechts-Tyteca 1958 и др.);

2) философской, психологической, филологической герменевтике; синергетике и психолингвистике; игре как деятельности (Бахтин 1979, Берн 1997, Богин 2001, Борботько 2006, Брудный 1975, А.А. Бурыкин, Василькова 1999, Витгенштейн 1985, Гадамер 1988, Гаспаров 1996, Гийому, Мальдидье 1999, Демьянков 1983, Дильтей 2000, Жинкин 1998, Касавин 2008, Кронгауз 1999, Леви-Строс 2001, Лурия 1979, Люксембург 2001, Москальчук 2003, Мышкина 1999, Ортега-и-Гассет 1991, Отье-Ревю 1999, Пешё 1999, Потенция 1999, Пригожин, Стингерс 1986, Пульчинелли Орланди 1999, Рабош 2005, Рикер 1995, Рузавин 1983, Санников 1999, Серио 1999, Сорокин 1985, Соссюр 2009, Тюпа 2009, Фрейд 1998, Хайдеггер 1993, Хёйзинга 1997, Шлейермахер 2004, Юнг 2006, Caillois 1958 и др.);

3) теории коммуникации, теории диалога, прагмалингвистике, социолингвистике, когнитивистике (Алферов, Бондаренко 2014, Аронсон 1984, Арутюнова 1981 и др., Балли 2003, Бенвенист 2002, Блакар 1987, Викулова, Рянская 2016, Виноград, Флорес 1996, Гавр 2011, Гак 1998, Грайс 1985, Демьянков 2003, Звегинцев 2008, Карасик 2002, Карданова-Бирюкова 2013, Касевич 2013, Кашкин 2010, Клепикова 2009, Колшанский 1984, Костомаров 1994, Кубрякова 2012 и др., Ларина 2003, Леонтович 2011 и др.,

Лотман 1996, Магировская 2009, Малинович 2011, Марьянчик 2015, Маслова 2016, Матурана 1996, Мечковская 1996, Михальская 1998, Мкртычян 2011, Налимов 1986, Остин 1986, Попова, Стернин 2007, Падучева 1982, Седов 2010, Серль 1986, Фестингер 1984, Филлмор 1983, Червонный 2014, Якобсон 1975, Якубинский 1986, Larson 1995, Leech 1983 и др.);

4) теории текста и дискурса, политического текста / дискурса в частности, теории воздействия (Акопова 2013, Александрова 2008, Алефиренко 2005, Алешина 2016, Алтунян 2010, Астафурова, Олянич 2008, Байкулова 2012, Бакумова 2002, Баранов 1986 и др., Барт 1989, Белоус 2008, Болотнова 2007, Будаев 2008, Варгина 2012, Васильев 2016, Верещагин и др. 1992, Вежбицкая 2002, Гаджиев 1997, Горбачева 2007, Горелов 1997, Городецкий 1990, Громова 2014, Дейк ван 1989, Дементьев 2010, Демьянков 2002, Дьяченко 2014, Желтухина 2014, Иссерс 2015 и др., Карамова 2013, Кара-Мурза 2015, Карасик 2015 и др., Касавин 2008, Кибрик 2009, Клюев 2002, Коноваленко 2012, Красных 2008, Макаров 2003, Максимов 2006, Манаенко 2005, Матвеева и др. 2015, Матыцина 2017, Миловидов 2007, Михалева 2009, Могилевская 2011, Олянич 2015 и др., Паршина 2007, Пешё 1999, Пирогова 2011, Пирущий 2009, Плотникова 2017, Полонский 2011, Почепцов 1999, Ревзина 2005, Романов 2002, Серио 1999, Сидоров 2009, Слышкин 2000, Спиридовский 2011, Степанов 1998, Стернин 2012, Сухих 2016, Ухванова-Шмыгова 1998, Фигуровский 1974, Чернявская 2009, Чудинов 2012, Шейгал 2000, Ширяева 2008, Charaudeau 2015, Fairclough 1989, Joseph 2006, Sinclair & Coulthard, R. Wodak 1975 и др.).

Общезнакомые положения, формирующие постановку и развитие проблематики, таковы:

1. Язык есть специфический культурный код (М.М. Бахтин, Б.М. Гаспаров, Ю.М. Лотман и др.);

2. Язык суть особый социально-идеологический код (В.Н. Волошинов, М. Фуко и др.);

3. Язык – одновременно и архив, и источник интерпретаций (Б.М. Гаспаров, М. Пешё, П. Серио);

4. Язык имеет диалогическую / полифоническую природу (М.М. Бахтин, В.Г. Борботько, Н.Л. Мышкина, Е.В. Чернявская и др.);

5. Дискурс – одновременно открытая (М.М. Бахтин; В.В. Налимов, Л.П. Якубинский и др.) и закрытая (В.Б. Кашкин, У. Матурана и др.) когнитивно-коммуникативная система.

Общезнакомая база диссертационного исследования определяется постулатами современного гуманитарного знания:

1. О когнитивно-прагматической природе языковых феноменов (Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова и др.);

2. О коммуникативно-функциональных параметрах формирования дискурсивной модели (В.И. Карасик, Е.В. Падучева, Г.Г. Почепцов и др.);

3. О взаимообусловленности институционального и персонального начал в дискурсе (В.Н. Волошинов, В.И. Карасик и др.);

4. О междисциплинарном подходе и интегративном характере

различных измерений дискурса (Т. ван Дейк, В.И. Карасик, А.В. Олянич, О.Г. Ревзина и др.).

Частнонаучные основания диссертационного исследования в качестве части общеполитической и общенаучной направлений реферируют к конкретным вопросам, связанным с объектом и предметом изучения:

1. Политический дискурс – одна из базовых моделей институционального дискурса актуализируется в единстве общих и специфических компонентов модели (А.Н. Баранов, В.И. Карасик, А.А. Романов, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и др.);

2. Определение категории адресатной специализации обусловлено ведущей позицией компонента «Участники» в дискурсивной модели (Н.Д. Арутюнова, Ш. Балли, Э. Бенвенист и др.);

3. Субъекты коммуникации в качестве участников дискурса («адресант» и «адресат») конструируют дискурсивное пространство в совокупности стратегического и ценностного потенциала (Б.М. Гаспаров, А.А. Ивин, А.Л. Никифоров, О.С. Иссерс, В.И. Карасик, Ю.А. Шрейдер и др.);

4. Дискретность языка формируется в бесконечном множестве ментальных субстанций посредством интерпретаций (Г.И. Богин, Н.И. Жинкин, Ю.А. Сорокин и др.).

Междисциплинарный (общеметодологический и частнонаучный) подход к проблеме обуславливает формирование нового взгляда на дискурс в целом, политический дискурс в частности, с точки зрения стратегической и ценностной актуализации. Основные направления, определяющие разработку проблематики, исходят из перечисленных общеполитических, общенаучных, частнонаучных постулатов, применяемых к новому материалу исследования, демонстрирующего альтернативное решение проблемы адресатной специализации:

1. Языковые и речевые факты рассматриваются сквозь призму концептуальной связи «человек – мера всех вещей» / «человек – языкоречевой феномен». Исходя из этого, актуален параллельный взгляд на проблему в двух ракурсах: традиционный, институциональный, и предлагаемый, персональный, выявляемый в дискурсе респондентов.

2. Институциональный код политического дискурса, определяющий социальные и культурные поведенческие модели, отражен в соответствующих конвенциях, максимах, постулатах коммуникации. Персональный код, базируемый на институциональном коде, актуализирует личностное отношение, выраженное вариативно, обуславливающее формирование и типологизацию категории адресатности.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Адресатность дискурса – его системообразующее диалогическое качество, определяющее социальную природу языка, – представляет собой коммуникативное взаимодействие субъектов, обусловленное функциями их взаимного воздействия, самопрезентации и информационного обмена в персональном и/или институциональном модусах бытия.

2. Адресатная специфика политического дискурса обусловлена следующими моментами: а) его институциональным характером (выполнением функций социально-группового общения для обеспечения потребностей общества), б) борьбой за власть как основой политической самоорганизации социума, в) взаимосвязанным статусно-ролевым распределением его участников, представляющих групповые интересы общества, г) формульными моделями поведения, речевыми жанрами и языковыми средствами, соответствующими такому распределению.

3. Теоретическая модель изучения адресатности в политическом дискурсе представляет собой схему, включающую институциональный код (система социально-культурных установок и конвенций публичного политического общения), субъектный фокус (динамическое соотношение субъектов в коммуникативной ситуации), матрицу референциальных отношений (политически релевантные модусы конвенционального и неконвенционального общения), диспозиционное распределение адресатов (позитивная, негативная, нейтральная, амбивалентная диспозиции), феномен объединения (ценностно-стратегическое выражение архетипической антиномии «свой – чужие» в семантике и прагматике языковых и речевых единиц).

4. Субъектный фокус адресантности проявляется в трех режимах: а) «автофокусировки», репрезентируемой в стратегии самопрезентации, включающей понятия дифференциации и интеграции как для адресанта, так и для адресата; б) «взаимной фокусировки», выраженной в совместной деятельности; в) «дефокусировки», актуальной в дистанцированности субъектов коммуникации. Субъектный фокус реализуется в двух формах – стандартной и нестандартной; первая соотносится с традиционным официальным поведением политиков, вторая включает новые формы их поведения, появившиеся в результате демократизации общественных отношений и слияния политического дискурса с медийным и рекламным.

5. Матрица референциальных отношений лежит в основе адресатной специализации и дает возможность выделить четыре типа корреляции между адресантом (Ант) и адресатом (Ат) на основе противопоставления коммуникативной конвенциональности (К) и неконвенциональности (НК): 1) КАнт – КАт, 2) НКант – НКат, 3) КАнт – НКАт; 4) НКАнт – КАт. В свою очередь, они выражают три принципа взаимодействия: симметрично-конвенциональный принцип характеризует первый тип отношений; симметрично-неконвенциональный – второй тип отношений; асимметрично-конвенционально-неконвенциональный принцип формирует третий и четвертый типы отношений. Данные отношения актуализируют общие и специфические проявления адресатной специализации в дискурсивной практике в различных жанрах политических текстов и в дискурсе респондентов.

6. Ценностные параметры адресатности в политическом дискурсе представляют собой базовые ориентиры выражения идеологических, инспиративных и имиджевых приоритетов, первые характеризуют

общечеловеческие, цивилизационные и классовые ценности, вторые призваны внушать адресатам уверенность в победе и оптимизм, третьи формируют эмблематическое восприятие своих и чужих.

7. Стратегические параметры адресатности в политическом дискурсе характеризуют ее субъектов в плане поэтапного развертывания поставленных целей и конкретизирующих цели коммуникативных тактик. Эти цели состоят в идентификации участников политического дискурса (осознание своей принадлежности к той или иной группе), в принятии диспозиционального статуса (осознание отношений равенства и неравенства, солидарности и противоборства), в отношении к персуазивности (принятие аргументативного и/или суггестивного воздействия), в подверженности манипуляции либо критическом противостоянии ей.

8. Тематические параметры адресатности в политическом дискурсе выражены в концепте «объединение», представленном в лексике, фразеологии, грамматике, паремииологии, афористике и жанрах политического дискурса (политические дебаты, инаугурационные речи, интервью политиков, послание Президента, Новогоднее поздравление Президента и др.).

9. Адресатность актуализируется в дискурсе респондентов в четырех типах диспозиций – позитивной, негативной, нейтральной и амбивалентной, демонстрирующих соответственно поддержку, неприятие, безразличие и неопределенность позиции по отношению к тем или иным политическим проблемам. Эти диспозиции конкретизируются в соответствии с тематикой диалога и дают возможность выделить различные типы языковых личностей на основании их политической самоидентификации.

Научная новизна работы состоит в следующем:

1) предложен новый подход к исследованию политического дискурса с позиций его аксиологических, прагматингвистических и жанрово-стилевых характеристик;

2) определены конститутивные признаки категории адресатности в политическом дискурсе;

3) разработан понятийный аппарат для моделирования и описания адресатности в политическом дискурсе (субъектный фокус, институциональный код, матрица референциальных отношений, диспозициональное распределение адресатов, феномен объединения);

4) установлены ценностные параметры адресатности в политическом дискурсе (идеологический, инспиративный, имиджевый);

5) выявлены стратегические параметры адресатности в рассматриваемом типе дискурса (идентифицирующий, диспозициональный, персуазивный, манипулятивный);

6) охарактеризованы тематические параметры адресатности в политическом дискурсе (лексико-фразеологический и жанровый);

7) разработана эмпирическая методика установления типов субъектов в политическом дискурсе.

Теоретическая значимость основных результатов диссертационного

исследования определяется тем, что оно вносит вклад в дальнейшее развитие лингвистики текста, теории дискурса и политлингвистики, характеризуя политический дискурс как институциональное коммуникативное образование и уточняя его конститутивные признаки, адресатную систему и жанрово-стилистические средства выражения. Основные выводы диссертационного изыскания способствуют дальнейшему развитию теории дискурса, политического дискурса в частности; конкретизации концепции «фактора адресата» в дискурсивном режиме респондентов как участников открытого / закрытого дискурса (диалога) с учетом когнитивно-психологического подхода; разработке аргументативного аспекта выявленных диспозиций «адресатов» vs «адресантов», формирующих категорию «адресатной специализации»; апробации полученных результатов на материале других видов дискурса.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности применения выводов и собранного эмпирического материала в изучении когнитивно-прагматического содержания дискурсивной модели с точки зрения адресатной специализации. Теоретико-практические материалы исследования могут применяться в курсах и спецкурсах по теории языка, когнитивной лингвистике, теории текста и дискурса, политической лингвистике, а также лингвистической аргументации. Проведенный в диссертационной работе анализ может служить базой для дальнейших изысканий в аспекте конкретизации адресатной типологии в зависимости от имиджевой составляющей адресанта/агента/политика различного статуса в политическом дискурсе, а также при исследовании адресатной специализации в других видах дискурса (деловом, рекламном, педагогическом и др.).

Достоверность полученных результатов диссертационной работы обусловлена разноаспектным анализом и обобщением основных концепций отечественной и зарубежной лингвистики по изучаемой проблематике, комплексным применением соответствующих методов исследования в целом; а также исследованием достаточного корпуса эмпирического материала в различных форматах – текстовом (политические речи, выступления, обращения, послания, интервью) и собственно дискурсивном (анализ дискурса респондентов в режиме опроса).

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры английской и французской филологии Кубанского государственного университета (2009 – 2019), кафедры общего языкознания Адыгейского государственного университета (2018 – 2019); ежегодных научно-практических конференциях «Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований» факультета РГФ КубГУ (2009 – 2019); также были представлены в виде докладов и сообщений на конференциях различных уровней: IV Международная научно-практическая конференция «Германистика в современном научном пространстве» (Краснодар, 2016); Международная научная конференция «Когнитивно-дискурсивное пространство в современном гуманитарном знании» (Краснодар, 2017);

Международная научная конференция (Майкоп, 11-12 октября 2017); Международная заочная научная конференция «Язык и речь в синхронии и диахронии» (Таганрог, 24 ноября 2017); I Межвузовская научная конференция «Дискурс в синтагматике и парадигматике» (Краснодар, 22 марта 2017); II Межвузовская научная конференция «Дискурс в синтагматике и парадигматике» (Краснодар, март 2018); I Международная научная конференция «Современные тенденции кросс-культурных коммуникаций» (Краснодар, 27 марта 2019); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Романская филология в контексте современного гуманитарного знания» (Краснодар, 22-23 апреля 2019); XXXIX Международная научная конференция «Человекознание» (Кемерово, 27 мая 2019); Международная научная конференция «Общество, экономика, культура: перспективы научных исследований в информационную эпоху» (Белгород, 31 мая 2019).

Основные результаты и выводы исследования получили комплексное отражение в 44 публикациях (общий объем – 26 п.л.), из которых 15 статей опубликовано в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией, 2 – в журналах, рецензируемых Scopus.

Объем и структура работы. Структура работы определяется исследовательскими задачами диссертационной работы, состоящей из Введения, четырех глав, Заключения, Списка использованной литературы. Общий объем диссертации – 342 с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** формулируется актуальность и выбор темы; определяется степень разработанности, цель и задачи исследования; представляется методологическая база диссертации; обосновывается научная новизна; устанавливается теоретическая и практическая значимость работы; описываются методы и материал исследования; излагаются теоретические положения, выносимые на защиту.

В первой главе «**Теоретико-методологические основы исследования дискурса как междисциплинарного объекта гуманитарного знания**» в общепhilosophическом, общенаучном и частнонаучном аспектах проанализированы и обобщены различные проблемы анализа дискурса в гуманитарной области. В общепhilosophическом направлении репрезентирован интегративный ракурс предпосылок к формированию анализа дискурса в единстве основных методологических направлений – герменевтического, синергетического, игрового, в той или иной степени участвующих в актуализации адресатности. Суть предлагаемого подхода – в осмыслении данных направлений в широком пространстве гуманитарного знания, необходимом для комплексной характеристики и интерпретации категории адресатности через призму субъект-субъектных отношений как основной совокупной единицы дискурсивного анализа. Интегративный характер подходов показан как эффективный инструмент для комплексного анализа

различных ипостасей коммуникантов. В этой связи нами выявлен базовый понятийный аппарат, соотносимый с категорией адресатности. Герменевтический подход включает аспекты анализа, восходящие к интерпретации категории адресатности в интересующем направлении с учетом онтологического и прагматического ракурсов. Так, представления о субъективном характере смыслоформирования в собственно герменевтической концепции включают допонятийные формы понимания («предпонимание», «предвосхищение», «преднамерение», «предмнение»), соотносятся с понятиями теории дискурса («преконструкт», «стыковка высказываний», «уже сказанное», «уже слышанное»). Исходный методологический принцип – проекция герменевтических «горизонтов» коммуникантов на «диалогизм» в субъект-субъектной коммуникации, формирующий и развязывающий «конфликтный узел» «противоречивых акцентов» в процессе опыта, актуализируемого в дискурсе (Бахтин 1963; Гадамер 1988; Отье-Ревю 1999; Серио 1999 и др.).

Далее, в данной главе показана интегративность герменевтического и синергетического аспектов, соотносимых с понятиями «Я» / «Ты» – «Другой», «коллективное бессознательное», «индивидуальное сознание» (ср. «опыт», «индивидуально-субъективное» и «социально-субъективное» в анализе дискурса) (Волошинов 1995; Пульчинелли Орланди 1999), «хаос», «порядок», «самоорганизация». В субъект-субъектной коммуникации категория адресатности актуализируется континуально, полифонично в дискурсивных понятиях («Differance», «игровой лабиринт», «амбивалентность») (Деррида 1999; Люксембург 2001). Герменевтический опыт актуализируется в так называемом синергетическом «лабиринте», в структурировании «направляющих линий» (Гаспаров 1996) при реализации категории адресатности. Они, в свою очередь, могут быть упорядочены («порядок») посредством игрового принципа (Богин 1998; Витгенштейн 1985; Гак 1998; Потенция 1999; Хейзинга 1997 и др.), широко понимаемого в контексте дискурсивных практик в субъект-объектном, субъект-субъектном, абстрактном (ради игры) аспектах. Данный аспект актуален при установлении равновесия в следующих оппозициях дискурса: определенность / неопределенность, дискретность / континуальность, конвенциональность / неконвенциональность, реальность / ирреальность. Игровой ракурс, в свою очередь, потенциально явлен в вариативности дискурсивных практик (Иссерс 2015).

С учетом современных тенденций лингвистической науки в общенаучном направлении нами обобщен многомерный подход к анализу дискурса в совокупности понятий, его характеризующих: дефиниции, измерения, типологии, модель дискурса. В собственно лингвистическом направлении в отечественной и зарубежной теории дискурса комплексно описаны такие измерения: прагмалингвистическое, психолингвистическое, лингвостилистическое, структурно-лингвистическое, лингвокультурное, когнитивно-семантическое, социолингвистическое, тематическое, лингвистическое, семиотическое, диалогическое, социальное, идеальное,

деятельностно-коммуникативное (Карасик 2000, 2007; Ревзина 2005; Ширяева 2008). Системный подход предполагает интегративность; он явлен в гиперонимических отношениях, к примеру, при установлении лингвистического измерения на вершине системы всех измерений (далее ср.: социальное / социолингвистическое); а также гипонимических связей (семиотическое / лингвистическое); усечении некоторых измерений, рассматриваемых в качестве синонимичных (прагмалингвистическое / деятельностно-коммуникативное).

Проведенный нами анализ теоретических предпосылок показал, что разброс измерений и подходов к интерпретации дискурса обусловлен его многомерностью, которая формирует соответствующую картину его дефиниционной репрезентации: объект междисциплинарной области знания (Кубрякова 2000; Пешё 1999); максимально широкий термин, включающий все формы использования языка (Кибрик 2009 и др.); континуальная / дискретная субстанция (Ревзина 2005; Эко 1998), явленная в оппозициях: язык/речь, язык / действительность, миропонимание / существование (Дейк ван 1989; Серио 1999); идеологически (социально) детерминированная совокупность текстов с соответствующими правилами текстопостроения (Волошинов 1995; Горелов 1997; Карасик 2000; Макаров 2003; Манаенко 2005; Серио 1999; Фуко 1996; Fairclough 1989 и др.); феномен, изучаемый в отношении к понятию «текст» и производных от него (контекст, междутекст, «интертекст»/«интердискурс», «интрадискурс» / «интердискурс») (Арутюнова 1990; Барт 1989; Демьянков 1995; Касавин 2006; Миронова 1998; Ревзина 2005; Сухих 2004; Чернявская 1999 и др.); сложный коммуникативно-когнитивный процесс, источник когнитивных моделей, учитывающих речевое поведение языковых личностей; семиотический феномен, представленный в поведенческих режимах, характеризующих релевантной информационной структурой (Демьянков 1995; Кубрякова 2000; Михальская 1998; Шейгал 2000 и др.); лингво-/межкультурно обусловленная субстанция (Вежбицкая, Годдард 2002; Воркачев 2001; Гак 1998; Иная ментальность 2005; Красных 2001; Колесов 1999; Маслова 2016; Слышкин 2000).

Последовательное решение проблемы возможных измерений указывает на необходимость дальнейших изысканий различных понятий дискурсивной модели, исходящей из дефиниционных возможностей. В настоящее время репрезентативной моделью дискурса служит модель институционального дискурса в единстве его конститутивных, институциональных, нейтральных, конкретных (участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, материал, разновидности и жанры, прецедентные тексты, дискурсивные формулы) признаков (Карасик 2000). Первые три вида признаков характеризуют универсальность модели институционального типа дискурса, демонстрируя интегративную природу его видов. Достаточным основанием для анализа дискурса можно считать учет конкретных признаков, в числе которых позиционирован компонент «Участники». В связи с признанием его приоритетности в дискурсе, наряду с обозначенными общенаучными и

частнонаучными измерениями показана фундаментальная необходимость применения общефилософского, методологического подхода с проекцией на категорию «Участники». Вместе с тем каждая составляющая модели дискурса указывает на ее значимость в актуализации конкретного измерения дискурса. Так, цели / стратегии / тактики суть объекты прагмалингвистического измерения; прецедентные тексты анализируются в когнитивном измерении, а дискурсивные формулы – в лингвостилистическом. Таким образом, интерпретация модели как целостного конструкта требует охвата всех измерений (подходов / аспектов) с обращением к категории адресатности.

В связи с изложенным, в частнонаучном направлении категория адресатности рассмотрена в двух ракурсах: теоретические представления об адресате как основание позиционирования категории адресатности; актуализация категории адресатности на основе принципов типологизации дискурса. Категория адресатности как основное понятие нашего исследования объяснена нами, исходя из существующих концепций относительно участников коммуникации – адресанта и адресата (Ефремова 2000; Желтухина 2004; Жеребило 2010; Романова 2009; Степанова 2010; Якубинский 1986 и др.). Разнообразие именованного целевого участника дискурса отражено в следующем классическом определении: «в разных теориях речевой деятельности второй (пассивный) участник коммуникации именуется по-разному: получатель речи, рецептор, интерпретатор, слушающий, аудитория, декодирующий, собеседник. Мы пользуемся термином «адресат», подчеркивая этим сознательную направленность высказывания к лицу (конкретному или не конкретному), которое может быть определенным образом охарактеризовано, причем коммуникативное намерение автора речи должно согласовываться с этой его характеристикой» (Арутюнова 1981 : 362).

Значимым для нашей работы представляется утверждение об органическом единстве участников коммуникации: «Субъект и адресат как начальная и конечная точки коммуникативного акта, неизбежно входят в сущностную характеристику речевого произведения, они составляют органическое единство, не могут быть расчленимы, если не оговорить условную формулу какого-либо лингвистического приёма исследования» (Колшанский 1984 : 138). Вместе с тем, мы обнаруживаем в данной позиции приоритет, эксплицированный в самом именовании участников коммуникативного процесса – субъект и адресат. Подобный подход наилучшим образом демонстрирует реальные и потенциальные возможности адресата в качестве целевого звена процесса коммуникации. При этом нерасчленимость субъектов коммуникации, выраженная в ее субъект-субъектном характере, позволяет позиционировать субъект-субъектное единство в категории «адресатность». Наш подход заключается в понимании категория адресатности как двуединой субстанции в процессе субъект-субъектной коммуникации. При этом существенно, что коммуникативный режим программируется адресатом, поскольку он формирует установки

адресанта в качестве инициирующего звена.

Нейтрализация стратегии односторонней направленности, активизация адресатности возможна посредством именованя субъектов по коммуникации как «инициирующий» / «подхватывающий», что эксплицирует именно континуальный характер коммуникации. Баланс дискурсивного процесса обеспечивается соразмерным единством (со)участия, при котором оценивается вклад каждого игрока коммуникации. Таким образом, проблемная ситуация, возникающая вокруг участников коммуникации, фокусируется на категории адресатности, поскольку статус целевого звена далее актуализируется в стратегии подхватывания, становясь новым этапом инициирования и так далее, по спирали. При этом исходно характеристика какого-либо субъекта как среднеарифметического результата от суммы потенциальных субъектов дополняется новым смыслом, явленным как конкретной ситуацией, так и ее пониманием самим субъектом, входящим в категорию адресатности. Таким образом, в адресантно-адресатной коммуникации адресатность представляется узлом, в котором сходятся «инициирующий» vs «подхватывающий» субъекты.

Характеристика институционального дискурса как сложной иерархии взаимодействующих между собой и конфликтующих дискурсов в конкретной ситуации (Wodak 1996 : 12) обуславливает понимание возможности вычленения в нем актуальных и потенциальных позитивных и негативных диспозиций в качестве предварительных условий, формирующих ту или иную ситуацию. При этом механизм движения задается адресатом, несмотря на то, что инициирующим является адресант. Алгоритм дискурсивного движения программируется адресатом, который формирует диспозиции инициирующего (адресанта). В данном механизме реализуется герменевтический постулат о наличии предварительных знаний («предпонимание», «преконструкт» и др.). Субъект-субъектный коммуникативный режим фиксируется в многочисленных связях, образующих структуру категории адресатности. Исходя из этого, выявляется амбивалентная природа адресатности, понимаемая как неразрывное единство адресанта и адресата в классическом виде. В живом коммуникативном процессе, реализуемом в форме конкретной дискурсивной практики, адресатность, таким образом, позиционируется в качестве центрального звена, способствующего актуализации остальных компонентов дискурсивной модели. Таким образом, адресат, становится точкой отсчета для исследования категории адресатности, понимается нами как двуединая сущность с высокой степенью интерпретации в неоднородном пространстве институционального дискурса.

Во второй главе *«Категория адресатности в аспекте дискурсивных приоритетов в политическом дискурсе»* на основе осмысления категории «Участники» охарактеризован феномен адресатной специализации сквозь призму категории «субъектный фокус»; описаны стратегические и ценностные параметры политического дискурса в адресатном аспекте; обосновано понимание темы как операциональной единицы для

формирования стратегических и ценностных приоритетов в дискурсе.

Теоретический обзор проблемы показывает, что исследование дискурса как континуального явления задается некоторыми общими ограничениями, имеющими отношение к понятию типологизации дискурса, в целом, а также, влияющими на формирование типологии адресатной специализации, в частности: учет факторов, представленных в различных группах признаков ИД (общественные ритуалы, мифологемы, институты, типичные хронотопы, символические действия, трафаретные жанры, ключевые концепты), имеющих свое воплощение в тексте (Карасик 2000). При этом особое значение придается внешним ограничениям различного рода – стереотипичность, общепринятость, аксиологичность: наличие социально / идеологически ограниченной совокупности текстов и правил текстопостроения, актуализация определенных социальных и дискурсивных практик; фиксация стереотипов организации и интерпретации текстов как компонентов, выражающих его специфику; конкретизация значимых для социума коммуникативных ситуаций. Внешние ограничения обуславливают специфику субъект-субъектной коммуникации на основе конкретных правил: стереотипические проекции личного опыта; общепринятый тип речевого поведения субъекта в дискурсивной практике; наличие поведенческих стереотипов сообразно статусно / ситуативно / коммуникативным ролям, обусловленным мотивами, целями, стратегиями, ценностями (Гаспаров 1996, Иссерс 2015, Карасик 2015, Манаенко 2005, Ревзина 2005, Сериио 1999, Слышкин 2000, Якубинский 1986, Фуко 1996 и др.).

Основной вывод складывается на основе понимания коммуникации как относительно симультанного процесса кодирования (высказываемого-высказанного) и декодирования (принятого-понятого), в которой происходит максимальное совпадение смысла, совместно переработанного субъектами коммуникации в той или иной ситуации. В данной области максимальной степени общего смысла, т.е. когнитивного основания, находится точка опоры для конструирования категории адресатности как амбивалентной сущности, функционирующей по принципу «два в одном», нерасторжимого единства адресанта и адресата в качестве онтологически равноправных партнеров по коммуникации. При этом программирующая функция, организующая и формирующая суть категории адресатности, тем самым, обеспечивает единство субъект-субъектной коммуникации с учетом других составляющих коммуникативной (дискурсивной) модели. Фактор приоритетности корректирует дислокацию того или иного субъекта по коммуникации в дискурсивном пространстве.

Адресатная специализация как феномен в дискурсивном пространстве субъект-субъектной коммуникации исследуется в двух направлениях: теоретическом (моделирование) и эмпирическом (выявление и обобщение) – с целью установления множества адресантно-адресатных отношений. Данный феномен может быть эксплицирован посредством понятия «Субъектный фокус» (СФ), который нами понимается как динамическое пространство акцентной актуализации конкретного субъекта (адресант vs

адресат) в роли организующего пространство коммуникации элемента. Интерпретация «СФ» актуальна в аспекте ценностно-стратегических и тематических параметров дискурса, политического дискурса в частности.

Характеристика адресатов дискурсивной деятельности, с точки зрения принципа интегративности, имеем в виду учет потенциальных адресатов в глобальном дискурсивном пространстве, а также, исходя из принципа дифференциации, то есть понимания специфически обусловленных и реальных адресатов в каждом из видов дискурса, является необходимым условием построения матрицы типологически дифференцированной адресатности. При этом дифференцированные представления, исходящие из дискурсивного опыта в целом, конструктивно влияют на структуру языкового поведения, учитывающего прототипические образы, выполняют своего рода программирующую функцию относительно события, и партнера по коммуникации.

В поисках общих точек соприкосновения относительно адресатной специализации мы обратились к характеристике политического дискурса в качестве образца, поскольку традиционно он представляет собой базово (идеологически) и наиболее частотно исследуемый вид в ряду бесчисленного множества дискурсов, явленный в различных традициях. Политика как универсальная сфера, в которой отражены процессы развития во всех областях человеческой деятельности, движима внешними и внутренними аспектами цивилизационной эволюции. Интерес к политическому дискурсу в предлагаемом ракурсе объясняется следующими основополагающими позициями: *лингвистической* – общими потребностями лингвистической теории, нацеленной на функционализм, исследование речи; *политологической* (проблемами исследования политического мышления, соответственно – политического поведения), связанной с задачами конструирования гипотетических моделей, а также разработки методов анализа политических текстов; *социальной*, выраженной в социальном заказе, направленном на возможность освободить политическую коммуникацию от манипуляций общественным сознанием (Баранов 2001). При этом изучению подвергаются функции языка политической власти; устанавливается зависимость приемов воздействия от политической ориентации субъекта, порождающего политический дискурс (Романов 2002).

Актуальным вопросом в связи с исследованием реального адресантно-адресатного взаимодействия в контексте обозначенных ограничений представляется необходимость учета неконвенциональной (онтологической) и конвенциональной (прагматической) сущности коммуникации. Мы выявили, таким образом, систему отношений, требующих интерпретации и дескрипции. Обобщение симметричных и асимметричных субъект-субъектных отношений демонстрирует наличие *однозначных и неоднозначных типов отношений*:

1. Конвенциональный адресант vs Конвенциональный адресат;
2. Неконвенциональный адресант vs Неконвенциональный адресат;
3. Конвенциональный адресант vs Неконвенциональный адресат;

4. Неконвенциональный адресант vs Конвенциональный адресат.

Они строятся на следующих трех *принципах взаимодействия*: симметрично-конвенциональный принцип характеризует первый тип отношений; симметрично-неконвенциональный – второй тип отношений; смешанный асимметрично конвенционально-неконвенциональный – третий и четвертый типы отношений.

В дискурсе в указанной системе субъект-субъектных отношений, построенной на принципе конвенциональность / неконвенциональность, актуализируются ценностно-стратегические и тематические приоритеты. Многие лингвисты справедливо считают, что убеждающая функция является основной функцией политического дискурса, на достижение которой направлен выбор лингвистических средств. Политический дискурс в своей основе репрезентируется как разновидность персуазивного дискурса, в котором присутствуют манипулятивный и аргументативный аспекты (Абельсон 1987; Аристотель 1978; Доценко 1997; Дьяченко 2014; Желтухина 2014; Зелинский 2008; Иванова 2003; Иссерс 2016; Кара-Мурза 2004; Лебон 1995; Маклюэн 2003; Пирогова 2011; Плотникова 2011; Попова 2002; Сентенберг, Карасик 1993; Сидоренко 1997; Спивак 2000; Чернявская 2006; Шейгал 2000; Charaudeau 2013 и др.). Динамичность и открытость дискурса как универсальные свойства, характерные также для политического дискурса, обусловили теоретические обобщения относительно разнообразия его стратегического потенциала в совокупности тактик и технологий. В связи с этим, говорить об исчерпывающей типологии стратегий и тактик политического дискурса не представляется возможным. Допущение принципа закрытости дискурса (Матурана 1996) позволяет характеризовать комплементарный подход к ценностно-стратегической природе дискурса.

Таким образом, имеющий место во второй главе теоретический анализ и обобщение ценностных, стратегических и тематических параметров адресатности в дискурсе в целом и в политическом дискурсе в частности, находит практическую характеристику и интерпретацию в следующих главах. Ценностные параметры адресатности в политическом дискурсе суть базовые ориентиры актуализации идеологических, инспиративных и имиджевых приоритетов, а стратегические параметры – идентифицирующего, диспозиционального, персуазивного и манипулятивного приоритетов. В дополнение к ценностным и стратегическим параметрам политического дискурса мы вводим понятие «феномен объединения» (ФО), толкуемое нами одновременно и как стратегия и как ценность, т.е. как ценностно-стратегическая единица современной политической коммуникации. При этом тематические параметры адресатности эксплицированы в концепте «объединение», явлены в лексике, грамматике, фразеологии, паремиологии, афористике и жанрах политического дискурса.

В третьей главе «*Языковая и тексто-дискурсивная репрезентация феномена объединения*» представлены базовые характеристики феномена объединения с точки зрения языковой репрезентации; объединение показано

как ценностно-стратегический феномен ПД в тексте и дискурсе, как ценностно-стратегическое выражение архетипической антиномии «свой – чужие» в семантике и прагматике языковых и речевых единиц. Базовые характеристики языковой репрезентации закреплены грамматически и лексически. Грамматическая актуализация явлена в единстве категорий лица, числа и склонения. В частности в категориях лица и числа реализуются различные вариации субъектного позиционирования, в категории же склонения соответственно – разные формы осуществления действия. В частности, с точки зрения языковой, лексико-грамматической актуализации речь идет о различных реализациях повелительного склонения (1-2-3 л. мн. ч.; 3 л. ед. ч.) при анализе стратегического характера речей отдельных государственных лидеров в пространстве ПД – идет ли речь о внутренней или внешней политике. Исходно грамматический подход демонстрирует несостоятельность дискурсивной интерпретации. Происходит конфликт в методе анализа явлений разного порядка. Дискурсивный подход демонстрирует актуализацию ФО. Наиболее эксплицированным видом маркера при этом является местоимение «мы» (инклюзивное «мы»), создающее общее пространство адресантно vs адресатных отношений.

На следующем уровне, лексический потенциал с семой объединения широко репрезентирован в словарном фонде разных языков для именования распавшихся и существующих ныне государств, объединений, политических партий, движений, организаций и союзов, институтов (РСФСР, РФ, СССР, USA (США), ФРГ, UK (United Kingdom) (Великобритания), «СШЕ», ЕС, БРИКС, ОДКБ, ООН, ЮНЕСКО, ВЛКСМ, ХДС, Еврокомиссия, Европарламент, «Коллективный Запад»), построенных на базе объединения (Евроинтеграция). Объединяющее начало эксплицируется ЛЕ «Федерация» (РФ), «Союз» (СПС, СССР, ВЛКСМ), «Конфедерация» (Confédération Helvétique – СН – Швейцария), «Единство» («Единая Россия»), «Объединение», «Ассоциация», «Коллективность».

Сема единения в паремиях русского языка (Даль 1984) – одна из сем, формирующих исходную базу для эксплицирования национально-культурного кода в оппозиции «Свой» / «Чужой» при реализации процессов самоидентификации и самопрезентации. Они реализуются посредством притяжательного местоимения («свой / свое»), лексического антонима («чужой / чужое»), синонима («Чужой = не мой, не наш»), а также неопределенных местоимений «всякий», «каждый» (чаще «всяк» как устар. форма для паремий). Роль оппозиции «Свое – чужое» наряду с лексическими маркерами выполняют синтаксические средства – повторы, параллельные конструкции, имплицитно выражающие семантику культурного ценностного кода в конвенциональном («Свой своему поневоле друг») и неконвенциональном («Друг до поры тот же недруг») аспектах. Противопоставление «Свое – чужое» характеризует ситуации успешной (конфликтной) коммуникации при реализации фатической функции: «Смола не вода, брань не привет», «Чего не видал? Что позабыл тут?». Оппозиция «Свое – чужое» актуализирует также семы «сосед», «граница» в различных

пространствах с выявлением смыслов, имеющих предупредительный характер: «Не купи двора, купи соседа» и др.

На уровне текста / дискурса ФО иллюстрируется на основе анализа различных видов политических текстов (инаугурационные речи президентов, выступление министра иностранных дел на Генеральной Ассамблее ООН, Послание Президента РФ Федеральному Собранию и др., а также предвыборные лозунги, слоганы митингов и акций протеста). Мы исходили из широкого подхода к исследованию политической коммуникации, представленной в двухуровневом определении политики – официального и личностного. На основе имеющихся теоретических изысканий относительно категории адресатности в политическом дискурсе выявлена различная конфигурация адресантно vs адресатного взаимодействия, репрезентированного собственно по характеру адресантов/ адресатов, исходя из позиций конвенциональность/ неконвенциональность, формальность/ неформальность.

Специфика ролевой структуры современного политического дискурса выстраивается на базе акцентирования ценностей и стратегий, формирующих пространство единения участников политической коммуникации как тематической характеристики исследуемого вида дискурса. В случае транслирования общечеловеческих ценностей (борьба за мир, прежде всего) со стороны адресанта, направленных на массового адресата как собственно носителя и реципиента этих ценностей, сам адресант является частью массового адресата (аудитории); имеем в виду, к примеру, совпадение субъектных фокусов (СФ) единичного адресанта (политического лидера) и массового адресата. Данный процесс обеспечивает социальный порядок, указывающий на значимость общечеловеческих ценностей, реализуемых различными модальностями, прежде всего, средствами класса модальности должностования. При этом актуализируются два взаимодополняющих процесса, указывающих, с одной стороны, на интегрированность, с другой стороны, на дифференцированность. Эти процессы могут быть иллюстрированы дискурсами различных политических деятелей – М. Тэтчер, В.В. Путина, Д. Трампа. В них СФ актуализируется в различных режимах. В дискурсе Д. Трампа СФ «взаимной фокусировки» имеет тенденцию к акцентированию процесса дифференциации, который выявляет режим СФ «автофокусировка». В паре «Я» / «Мы» приоритетно «Я»: “I mean that very sincerely. Now it is time for America to bind the wounds of division, have to get together. To all Republicans and Democrats and independents across this nation, I say it is time for us to come together as one united people. It is time. I pledge to every citizen of our land that I will be President for all of Americans, and this is so important to me. For those who have chosen not to support me in the past, of which there were a few people, I'm reaching out to you for your guidance and your help so that we can work together and unify our great country. As I've said from the beginning, ours was not a campaign but rather an incredible and great movement, made up of millions of hard-working men and women who love their country and want a better, brighter future for themselves and for their family”. В

дискурсе М. Тэтчер СФ «взаимной фокусировки» в дихотомии дифференцированность/ интегрированность преимущество также отдается первому аспекту, указывающему на необходимость реализации целей и задач отдельно взятой консервативной партии: “We must get private enterprise back on the road to recovery, not merely to give people more of their own money to spend as they chose, but to have more money to help the old and the sick and the handicapped... Well, how can we Conservatives make it happen?” (Penguin Book of Twentieth-century Speeches/ В. MacArthur (ed.). Penguin, 1992–1993.)

В дискурсе В.В. Путина СФ «взаимной фокусировки» в обозначенной дихотомии актуализируется с акцентом на второй – интегративный аспект, являя в полной мере реализацию ФО в различных жанрах политического дискурса. Так, исследование инаугурационной речи президента В.В. Путина показывает приверженность оратора нравственным основам культурных и духовных традиций народа России, исторически сформированного как многонациональный народ на протяжении веков. ФО выражен в ведущей идее «национального развития», представленной историческими национально-культурными смыслами («судьба России», «огромные российские пространства от Балтики до Тихого океана», «Отечество», «Вера», «Совесть», «Любовь») и понятиями, указывающими на современные тенденции развития («реальные успехи», «новая экономика», «современные стандарты жизни», «сбережение народа», «поддержка российских семей»), создающими связь между прошлым, настоящим и будущим. Баланс между историческим прошлым («прочный фундамент культурных и духовных традиций нашего многонационального народа», «тысячелетняя история», «ценности, которые всегда составляли нравственную основу нашей жизни – совесть, вера, любовь к Родине, к своим близким, забота о счастье своих детей и благополучии своих родителей») и настоящим («способность стать лидерами», «центром притяжения всей Евразии») подкрепляется идеей интеграции, национальной консолидации («Мы добьёмся наших целей, если будем единым, сплочённым народом, если будем дорожить нашим Отечеством»), которая должна привести к успеху. Таким образом, ФО формируется посредством инклюзивного «Мы», условных придаточных предложений, реализующих тактику уверения в достижении успеха, тактику констатации уверенности, тактику взывания ко всем для понимания своей важности. ФО есть основание и для решения актуальных задач («расширять участие граждан в управлении страной», «чтобы стремление каждого к лучшей жизни было воплощено в совместной работе для процветания всей страны»). Успех их решения связывается с позициями различного уровня: в пределах страны – возможностью вовлечения «каждого субъекта» в единое пространство новыми возможностями страны на уровне мирового сообщества («Мы хотим и будем жить в успешной России, которую уважают в мире...»); верой в объединяющую силу – на личностном уровне говорящего и оценивающего субъекта речи («Я верю в силу наших *общих* целей и идеалов» и др.). Конец речи фиксирует инклюзивное «Мы»: «Мы готовы к грядущим испытаниям и грядущим свершениям»; «И мы будем работать с

верой в душе, с искренними и чистыми помыслами». В данном примере ФО выражается посредством ценностного (инспиративного и имиджевого) и стратегического (идентифицирующего, диспозиционального, персуазивного) приоритетов, совокупность которых в реальном и потенциальном режиме формирует актуализацию СФ «взаимная фокусировка».

Примером актуализации режима «дефокусировки» в СФ может служить инаугурационная речь президента Б. Обамы с точки зрения противопоставления формальность / неформальность: “So let us mark this day with remembrance of who we are and how far we have traveled. Let it be told to the future world: that in the depth of winter, when nothing but hope and virtue could survive: that the city and the country, alarmed at one common danger, came forth to meet. America: In the face of our common dangers, in this winter of our hardship, let us remember these timeless words. With hope and virtue, let us brave once more the icy currents, and endure what storms may come. Let it be said by our children's children that when we were tested we refused to let this journey end, that we did not turn back nor did we falter; and with eyes fixed on the horizon and God's grace upon us, we carried forth that great gift of freedom and delivered it safely to future generations. Thank you. God bless you. And God bless the United States of America.” В анализируемом контексте основная тактика – взывание к общим воспоминаниям выражена в тактике (само)идентификации («давайте отметим этот день воспоминаниями о том, кто мы есть, и как далеко мы прошли»). При этом велико значение метафоры (ЛЕ «зима», «ледяные потоки», «предстоящие бури», понимаемые как «опасность», «невзгоды», «испытания»), характерного для фиксации и поддержания образов коллективного бессознательного, опыта, общих смыслов, концептов – «надежда», «доблесть», «свобода», «связь поколений». В данном контексте отмечаем высокую степень метафоричности речи, вследствие чего она приобретает абстрактный, пафосный характер. Завершающий акцент – обращение к Божьему благословию. Вследствие ритуальности, акцентируемое в речи объединяющее начало, на наш взгляд, приобретает формальный характер, нивелирующий силу консолидации в механизме субъектного фокуса. Таким образом, на наш взгляд, СФ реализуется в режиме «дефокусировки», актуальной в дистанцированности субъектов коммуникации.

Рассмотрим далее реализацию ФО в интервью Президента РФ В.В. Путина журналисту М. Скотту. Исходя из стандартной ролевой структуры ПД, президент страны является ведущим субъектом (агентом) политического дискурса как институционального дискурса. Поскольку в жанре интервью происходит содержательная мена ролями, то позиция президента выражается в нестандартной ситуации. Будучи в роли интервьюируемого (формально – клиента), В.В. Путин играет ведущую роль в коммуникации. Неформальный характер реализации роли интервьюируемого релевантен в силу «транспарентной» позиции президента в ответах на вопросы журналиста. В интервью фатическая функция реализуется с точки зрения не формального (ритуального) аспекта, а эффективного взаимодействия, требующего

экспликации событий, явлений, положения дел с целью устранения непонимания. В данном контексте стратегические параметры нацелены на принятие диспозиционального статуса (экспликация отношений равенства и неравенства, солидарности и противоборства), выражение отношения к персуазивности (принятие аргументативного воздействия): «Нужно заниматься не политической риторикой, а искать выход из ситуации (1), сложившейся в том числе в Сирии. Какой выход? Он может быть только один (2): нужно убедить (а) все вовлечённые в этот конфликт стороны (б) идти по пути политического урегулирования (3). Вот мы договорились с Президентом Асадом, он согласился пойти по пути принятия новой конституции и провести на основе этой конституции выборы. Но никак не удаётся никого больше в этом убедить (4)».

В анализируемом фрагменте выражено негативное отношение к понятию «политическая риторика» (1). Указание на безальтернативный выход из ситуации (2) приводит собственно к сути актуальной стратегии (3). В высказывании «нужно убедить (а) все вовлечённые в этот конфликт стороны (б) идти по пути политического урегулирования» выделяем две части – действие (а) и его субъектов (б). В зависимости от того, какую часть высказывания мы выделим в качестве приоритетной, та стратегия и будет позиционирована как фундаментальная. Часть (а) предикативно эксплицирует стратегию убеждения, а часть (б) – имплицитно выражает ФО. Временная безвыходность в данном конфликте (4) указывает на проблематичность, которая существует в реализации так называемой стратегии убеждения. Она, таким образом, преобразуется в метаязыковую единицу, которая лишь может фиксировать результат каких-либо консенсусных договоренностей как актуализация ФО. Таким образом, ФО предполагает, прежде всего, принятие обязательств, ответственности, компетентности для гарантии и далее выполнения функций адресанта vs адресата. В ответах В.В. Путина он выражается в совокупности тактик – коммуникативных и речевых, относящихся к семантике объединения. В ряду коммуникативных отмечаем: «открытость к диалогу», «поиск альтернатив», «демонстрация доверительных отношений», «принятие ответственности», «совместное вспоминание», «зеркальные меры», «взаимный договор», «обоюдная позитивная диспозиция», «совместные действия». В качестве речевых назовем: «ясное изложение», «фактологическое многократное отрицание», «опережающая экспликация», «скрупулезная экспликация». Анализ интервью позволил характеризовать дискурс В.В. Путина как дискурс с высоким объяснительным (аргументативным) потенциалом, в котором наилучшим образом реализуется ФО во всем многообразии тактик.

При актуализации ФО в жанре Новогоднего обращения президента к народу в большей степени репрезентирован интегративный характер политического дискурса на пересечении с бытовым видом. Специфика данного жанра обусловлена темой. Новый год – семейный праздник, адресатом данной речи является каждая российская семья, соответственно вся страна как большая семья. Статусно-ролевые отношения в ПД,

понимаемые как институциональные, в данном контексте не являются приоритетными. Происходит переход из одной позиции симметричных конвенциональных (адресат / адресант) отношений в другую позицию симметричных неконвенциональных (адресат / адресант) отношений: руководитель страны в анализируемом тексте – гость в каждой семье. В связи с этим ФО ориентирован, прежде всего, на утверждение семейных ценностей (забота о родителях, детях), понимаемых как общечеловеческие ценности (исполнение желаний и надежд, ожидание важных перемен, душевная щедрость, умение дарить добро); указание на хромотопные факторы (особое праздничное настроение, независимо от того, где мы находимся – в кругу семьи, в весёлой компании, на праздничных улицах, имеющее объединяющую силу, которая закрепляется современными средствами коммуникации, сокращающими дистанцию между дорогими людьми). В обращении к народу значима персональность. В данном тексте/дискурсе актуализируется стратегия идентификации (дифференциация / интеграция). Президент идентифицирует себя с народом посредством тактики самоидентификации. ФО выражен семантически в следующих понятиях и смыслах – сплоченность, дружба, бескорыстная любовь к России; грамматически и синтаксически он релевантен в инклюзивном «Мы» в сочетании с обстоятельством образа действия «вместе» в параллельных конструкциях. Синтаксически основной принцип реализации стратегии выражен в условной конструкции «если каждый из нас...», задающий перспективу ФО в ракурсе «Я как часть целого» как амбивалентную актуализацию – дифференциация / интеграция. Данные языковые средства максимально сокращают дистанцию между адресантом (Президентом) и адресатом (каждым Россиянином), выражая актуализацию СФ в режимах «автофокусировки» и «взаимной фокусировки», актуальных в типе отношений – НК Ан-т / НК А-т: «они (важные перемены. – Е.Г.) обязательно придут в нашу жизнь, *если каждый из нас* (курсив наш. – Е.Г.) всегда будет...».

Анализ Послания Президента РФ к Федеральному Собранию выявил дополнительные понятия, характеризующие тенденции современного внутривластного и внешнеполитического дискурса, выражающие ФО в понятиях «адресность» – принцип адресности называется параллельно с принципом справедливости («принцип адресности и справедливости»; «принцип одного окна»; «в контакте с гражданами»); «прорыв» («прорывное развитие России» как синергетический скачок); «объединение», «конструктивное взаимодействие». Урегулирование проблем, требующее привлечения различных субъектов – адресантов и адресатов политической коммуникации для неформального подхода – диктует новое исполнение ролей, основанное на принципе «адресности». В связи с этим расширяется пространство адресантов и адресатов ПД. Таким образом, присутствующие на оглашении Послания субъекты, а также все граждане России, объединенные общей целью, формируют единое пространство потенциального и реального взаимодействия. В ряду ценностных параметров

адресатности, таким образом, актуальны идеологические (общечеловеческие, цивилизационные), инспиративные (оптимистичные, конструктивные), имиджевые («Мы» и «наше будущее»; «Мы» как часть цивилизационного процесса) приоритеты. Сообразно обозначенным ценностям актуальны стратегические параметры – идентифицирующий, диспозициональный, аргументативный (фактологический).

ФО эксплицирован в принципе создания политических институтов различных уровней в качестве основания для их деятельности (к примеру, ООН). Анализ выступления Министра иностранных дел России С.В. Лаврова иллюстрирует актуализацию ФО как синергетического феномена для установления порядка, принципа кооперации, гармонизации, суверенности, неприменения внешней силы. Основные ценности внешнеполитического дискурса закреплены за такими понятиями, как «суверенитет», «взаимоуважение», «отказ от вмешательства во внутренние дела», «равенство народов», «диалог между различными культурами и религиями», «нахождение баланса», «взаимопонимание», «доверие», «примирение», «компромисс», «сотрудничество», «межнациональное и межкультурное согласие», «урегулирование разногласий», «объединение усилий», «борьба с позорным явлением безгражданства», «конструктивное взаимодействие», «коллективный характер международных усилий», «консенсусные режимы Договора», «проект универсальной конвенции», «полицентричное мироустройство» и мн. др., которых всегда придерживалась наша страна в международных делах. При этом, что очень важно, акцентируется подход «минус манипуляция» (2), в основе которого – честность и профессионализм (1): «Отдельная тема – случаи применения химического оружия в регионе. Все они должны расследоваться честно и профессионально (1), без попыток манипулировать (2) деятельностью Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) и Совместного механизма ОЗХО-ООН по расследованию случаев применения химоружия в Сирии (СМР)».

Фундаментальный характер ФО выражен в прецедентных текстах-цитатах, указывающих на экзистенциальные смыслы. В заключительном абзаце речи министра приведена следующая иллюстрация: «Два тысячелетия назад римский философ Сенека писал: “Мы рождены, чтобы жить совместно”. Ближе всех к осознанию этой данности подошли отцы-основатели ООН. Они были убеждены (и записали это в Уставе), что само дарованное всем нам Богом сосуществование на одной планете должно заставить нас объединиться, чтобы не допустить ужасов новых войн» (http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2870898)

Далее, анализ политических предвыборных лозунгов и др. показал, что основная цель политического дискурса – борьба за власть – ныне редко эксплицируемое явление в политических лозунгах. Особое место отводится ФО, выраженному различными языковыми способами, видами обращений в политическом дискурсе. На современном этапе политической коммуникации прямые воззвания к захвату власти (ср. «Большевики должны взять власть в

свои руки!») не актуальны. Результативными скорее можно считать лозунги, в которых подчеркнута сила объединяющего начала: “Oser la solidarité, ça change tout.” (фр.) – «Осмелиться на солидарность, это изменит всё.» (Лозунг Д. Вуане, кандидата в президенты Франции на выборах в 1995 году.). Актуальны при этом другие формы организации процесса предвыборного дискурса. В новом контексте уместен одновременно абстрактный («все») и конкретный («каждый»), наиболее массовый адресат предвыборного дискурса – гражданин («Будь гражданином – приходи на выборы!») (реализация конституционного права). Гражданину обеспечивается свобода выбора без воздействия. Основная проблема – обеспечить высокую явку на избирательные участки.

Феномен объединения в лозунгах реализуется различными средствами, включая такие формы, как номинативные и предикативные предложения, обращения (2 л. мн.ч., 2 л. ед. и мн. ч., 3 л. ед. ч.). В них сконцентрированы общечеловеческие, экзистенциальные смыслы, а также потенциальные адресатно-ориентированные смыслы. Они характеризуют отношения – коллективный (индивидуальный) адресант – массовый адресат на основе различных принципов: классовой, национальной принадлежности и др.: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»; «Россия, Родина, Народ!», “Croire en la France”, “Believe in America”. В принципе собственно политической принадлежности мы выделили несколько групп актуализации ФО с различными критериями: конкретизация политических и экономических ценностей и требований («право на труд», «право на частную собственность») как основы для «процветания», «мира», «прогресса», понимаемых в качестве общечеловеческих ценностей; конкретизация ценностей, относящихся к различным характеристикам личности, определяющих его компетенцию (формируется пространство людей разумных, волевых, уверенных в своих силах, возможностях, т. е. реалистов, готовых к переменам, нацеленных на результат); размытость ценностей (семантическая пустота, к примеру, потенциально формирующая тип адресата «созерцающий анархист»); имя кандидата как составляющая ценности: «Жириновский. Или будет хуже. Жириновский. И будет лучше», “Avec Jospin c'est clair”, “Who but Hoover?”. При этом общечеловеческие ценности (благо, честность и др.) соотносятся с понятием «выбор»: объединение вокруг кандидата (тема доверительности) сулит благо.

В зависимости от расширения/ сужения пространства (мир/ страна/ город) происходит координация ценностей, поддерживаемых стратегией объединения. При этом констатируем общие ценности: благосостояние (процветание) страны (города, семьи); гордость за страну (город, семью и его членов); необходимость искоренения бюрократизма в стране (городе), актуализируемые в пространстве принципа локальной принадлежности («Одумайтесь! Сюда придёт миллион волгоградцев, а кто за Вас, Бровка?» – лозунг сторонников экс-мэра Волгограда Р. Гребенникова в конфликте с губернатором А. Бровка в 2011 г.). Данный принцип показал высокую степень концентрации ценностных смыслов. Другие принципы реализации

ФО – принципы половой и возрастной («Голосуй и танцуй!» – лозунг, призывающий молодёжь на выборы в Хакасии в 2010 г.). Ценностные смыслы актуальны также в слоганах митингов и акций протестов, в основе своей указывают на обратную связь – «агенты» и «клиенты» дискурса, к примеру, исходя из принципов групповой и половой принадлежности. В пространстве так называемых «неформалов» отметим движение хиппи: “Make love, not war” – слоган против войны во Вьетнаме, ставший лозунгом движения хиппи. Основа стратегии объединения хиппи – пацифистские ценности. Они ратуют за такие блага, как «жизнь», «любовь». Слоган, обращенный ко всем людям доброй воли, актуализирует симметричные отношения неконвенционального типа. В таком контексте принцип институциональности теряет свою силу. ФО актуален в пространстве экзистенциальных смыслов (НК А-нт – НК А-т). В позиции принципа гендерной принадлежности актуализируется протест феминисток в различной тональности: от радикальной (1) до умеренной (2): 1) «У женщины всегда есть выбор: феминизм или мазохизм» (Глория Стайнем). В данном контексте ФО актуален в пространстве экзистенциальных смыслов (НК А-нт – НК А-т); 2) «Властям нужна рождаемость, матерям – пособия и детсады». В этом примере ФО актуален на основе принципа институциональности (НК А-нт – К А-т). Все выделенные принципы актуальны с точки зрения понятия «групповая ментальность» (Попова, Стернин 2007).

Четвертая глава *«Дискурсивная репрезентация феномена объединения в ракурсе адресантно-адресатной диспозициональности»* посвящена выявлению ФО в политическом дискурсе на материале анализа опросов респондентов по ряду основных вопросов относительно различных форм политической коммуникации: 1) Внушаемы ли Вы? Обобщите свои наблюдения относительно функции воздействия. Какие индивидуумы наиболее внушаемы? 2) Как Вы относитесь к политике (положительно/отрицательно)? Объясните свое отношение по принципу «польза/вред». 3) Ходите ли Вы на выборы? Да/нет. Почему? 4) Как Вы относитесь к митингам и акциям протеста? Участвуете ли Вы в них? Да/нет. Почему? 5) Как Вы относитесь к политическим дебатам? Смотрите ли теледебаты? 6) Какие чувства и эмоции Вы испытываете при виде политической рекламы? Метод опроса был апробирован нами в различных группах респондентов. Полученный массив дискурса респондентов (ДР) мы определили как дискурсивную практику, исходя из следующего ее толкования: «понимание дискурсивной практики – так же, как и любой социальной практики – базируется на ее осмыслении как деятельности и социального опыта, данного в непосредственном наблюдении» (Иссерс 2011: 231). Формируемая и ускользающая речевая реальность, таким образом, посредством языка фиксирует приметы современности в различных оценках, обуславливая создание типологии адресантов vs адресатов.

Ответы на первый вопрос выявляют *отношение респондентов к внушению*, базовой составляющей функции воздействия. Вкратце, признание, отрицание, сомнение подкрепляется модальными словами: «Думаю, нет»,

«Нет, не считаю», «Наверное, да», «Возможно», «Нет вроде», «Надеюсь, что нет», «Наверное. Я часто верю тому, что мне по телеку говорят». При этом полное отрицание внушаемости выражается в эмоционально инвективном неприятии официальных адресантов политической коммуникации: «Я вообще не слушаю то, что мне говорят *эти павлины*». Факт внушаемости в ДР иллюстрируется в выявлении типов «ведомых», в обращении к прецедентным текстам, в метафоричности, в целом выражающих континуальность дискурса: «“Ах, обмануть меня не трудно! Я сам обманываться рад!” – вот такие люди наиболее внушаемы»; «Я думаю, что человек, не имеющий своего мнения и внутреннего стержня больше всех подвержен внушению. Каждый сосуд желает стать заполненным». Анализ ДР выявил относительный и тотальный характер внушаемости, явленный в виде утверждений с комментариями (а), с экспликацией механизма субъектов процесса внушения (б), с эмоциональным выпадом по отношению к агентам политической коммуникации, выраженным дискурсивной формулой (в): а) «Все внушаемы», «Абсолютно все», «Мне кажется, любой человек поддается воздействию», «Воздействие производится огромным количеством способов и ему подвержено большинство», «Никогда не думала об этом. Наверное, воздействию подвержен любой»; б) «Смотря, о каком воздействии идёт речь. Дети, равняющиеся на сверстников. Подростки, следующие за рекламой. Взрослые, идущие на поводу у своих детей. Всегда есть, кому внушать»; в) «Сейчас многие люди вполне внушаемы, потому что, *спасибо политикам*, народ отупел в край».

Второй вопрос ориентирован на установление отношения к политической коммуникации в целом. Затем следуют вопросы частного характера относительно конкретных форм политической коммуникации – выборы, митинги, акции протеста, политические (теле)дебаты, политическая реклама. Ответы на перечисленные вопросы способствуют формированию определенных классов субъектов политической коммуникации. Речь идет не только о возможности выявления типологии адресатов, но и их детерминации в качестве адресантов на уровне дискурсивной репрезентации. Данный феномен указывает на цельнооформленность ПД как самоорганизующейся системы, в которой есть место как хаосу, так и порядку. И в этом процессе особое место занимают функции (само)организации, (само)регуляции как субъектов политической коммуникации, так и ее структуры как системы. При этом базовым механизмом представляется функция (само)идентификации относительно координации собственной установки и диспозиций других субъектов коммуникации.

Обратимся к результатам экспериментальной части. *Отношение к политике* в дискурсе респондентов выражено в различных диспозициях. *Отрицание* происходит на основе следующих объективных (политика как система, критерий истины) и субъективных (эффективность / неэффективность – бессмысленность, бесполезность, вред; компетентность / некомпетентность адресантов / адресатов; эмоциональность адресатов –

пессимизм, стресс) доводов. *Нейтральность* выражена на основе следующих доводов: объективные (политика как необходимая система; адресат как внешний наблюдатель, направленный на объективность) и субъективные (адресат как внешний наблюдатель с учетом информационной ориентированности; компетентность / некомпетентность адресатов; недостаточность вовлеченности; сфера интересов; ситуативность). *Позитивная* установка соотносится собственно с компетентностью адресатов, выражаясь в позитивной тональности с соответствующей лексикой. Объективные доводы, основания: политика как необходимая система, составляющая государства; указание на абстрактную сущность; указание на конкретную функцию (к примеру, внешнеполитическая); указание на функцию взаимодействия (ср. с функцией воздействия). Субъективные основания: дискурсивная экспликация посредством маркера тональности; референция на ценностные установки адресантов (к примеру, политиков, ориентированных на благо общества); указание на необходимые характеристики собственно политики (правильная, грамотная, разумная); на характеристики адресатов ПД (политическая грамотность, сознательность, ангажированность); на формальную позитивность с допущением невовлеченности («отписка»); на неформальную позитивность адресатов (оптимистов – «гражданин-оптимист», характеризуемый как «гражданин-гражданин»), в качестве адресантов, транслирующих позитивные установки, подкрепляемые активной жизненной позицией: «Я отношусь положительно, ведь я веду достаточно *активную гражданскую позицию* и для меня эта сфера достаточна важна».

Амбивалентное отношение выражает диалектическое единство положительных и отрицательных сторон ПД, указанных нами в позициях субъективных и объективных факторов. В нем дифференцированы обе стороны (польза/вред) в виде перечисления «(+))» и «(-))» как в отношении системы и структуры, так и субъектов в политической коммуникации. Данный тип отношения характеризует тип личности («аналитик-синтезатор»), ориентированный на целостный подход с неформальной / формальной (отписка) установкой адресата в качестве адресанта ПД. В амбивалентном отношении отмечаем фактор относительности, имеем в виду ситуативное понимание проблемы (2). При этом выявляем отстраненность респондента, которая выражена маркерами неопределенности (1): «Положительно. Просто интересна. Ну отношения между государствами регулируются ей, *какое-то* общение международное. И внутри страны *вроде* порядок обеспечивает (1). Вред от нее *в каждой стране особый* (2)».

В субъект-субъектной (адресант vs адресат) коммуникации активные адресаты одновременно становятся адресантами ПД. В ряду активных отмечаем граждан, высказывающих свое отношение к политике, с указанием на необходимость сохранения общечеловеческих ценностей. Они характеризуются вовлеченностью в обозначенную сферу интересов; они явлены как позитивно, негативно, амбивалентно ориентированные. Таким образом, они формируются как адресанты политической коммуникации,

среди которых амбивалентно ориентированные представлены как неформальные. В ряду активных адресатов/адресантов отмечаем следующие подтипы: гражданин-рупор, гражданин-обвинитель, гражданин-обыватель, гражданин-устроитель (режим СФ «взаимная фокусировка»). Пассивные адресаты, явленные в негативной (односложной) и нейтральной диспозиции, напротив, не способны стать адресантами, поскольку характеризуются дистанцированностью, как в отношении субъектов (адресантов/адресатов) коммуникации, так и в отношении структуры и содержания ПД (режим СФ «дефокусировка»). В ряду пассивных адресатов отмечаем такие типы: формалист, философ, скептик, дистант, пессимист, нигилист. Таким образом, формируются критерии, задающие диспозициональность в конкретных формах политической коммуникации, изучаемых в теории дискурса как жанры политического дискурса.

Дискурс респондентов относительно *выборов* как одной из форм политической коммуникации изучается в диспозициях – позитивная, негативная, амбивалентная. *Позитивное отношение* к выборам явлено в следующих ценностных смыслах: «гражданский долг», «патриот», «обязанность», «ответственность», «волеизъявление», «выражение выбора», реализация которых контекстно обусловлена, соотносится с условиями и понятиями различного рода – «возможность», «достойный кандидат». В совокупности данных смыслов актуализируется ФО, выраженный в позиционировании личности в качестве части целого: «не остаться в стороне», «внести свой вклад», «мое решение влияет на...», «голос каждого», «участие в управлении государством», «делаю то малое, что могу». В данном ключе выявляются «активные» адресаты, рассматриваемые нами в качестве адресантов, оптимистов: «вообще это выбор каждого идти или нет, я иду, потому что считаю, что должен проголосовать за своё будущее, за то, как изменится моя жизнь, я буду знать, что сделал для этого что-то, хоть и говорят, что выбрали за нас давно. Будьте оптимистами». Неконвенциональная позитивная установка выявляется в идентификации личности как части в пространстве «своих» (принцип Протагора). Пресуппозиция – «“Я” среди “своих”» и «Я есть важная часть своей страны»: «Хожу на выборы. Чтобы сделать свой вклад в будущее страны»; «Хожу, не хочу остаться в стороне». Подобная диспозиция формирует СФ «взаимной фокусировки». ДР при этом может быть представлен в различной тональности – патетические высказывания (1) соседствуют с нейтрально-скромным выражением (2) своего отношения: 1) «Да. Как бы то ни было, выборы – это участие в процессе управления государством»; 2) «Да. Я делаю то малое, что могу».

Дискурс респондентов помимо представления основной релевантной информации в качестве ответа на вопрос включает дополнительную информацию, например, выражение конкретных политических интересов: «Хожу и считаю это своей обязанностью. *Из года в год голосую за коммунистов*». При актуализации деонтической модальности, реализуется «формальный тип гражданина»: «Хожу. Воспринимаю это как формальную

обязанность гражданина»; «Да, надо»; «Да, для самоуспокоения, что выполнил долг». *Негативное отношение* формируется на основе предвзятого мнения, исходящего от неуверенности, отсутствия веры. Оно эксплицирует понятия в виде аргументов и следствий, противопоставленные ценностям позитивной диспозиции: «предопределенность», «бессмысленность», «нечестность выборов», «отстраненность» («абсентеизм»); «отсутствие интереса к теме», «личная некомпетентность», «наличие / отсутствие кандидатуры», «аргумент к возрасту», «ссылка на неудачный опыт». Данная установка, на наш взгляд, может иллюстрировать СФ «дефокусировки», характерной для ситуации дезинтеграции: «На выборы я не хожу, так как для меня удобнее, когда президента другой кто-то выбирает»; «Не хожу, потому что не вижу смысла»; «Не всегда хожу. С возрастом как-то перегорел»; «Нет. Не думаю, что вполне компетентна в этом вопросе, чтобы способствовать кому-либо в победе этих выборов»; «Да; мой голос ничего не решит, но я выскажу своё мнение или испорчу бюллетень:»). Подобная диспозиция формирует потенциальный тип нигилиста, абсентеиста, циника. *Амбивалентное отношение* представляет когнитивную систему субъекта (адресата / адресанта) как пространство полимодальной актуализации знаний, мнений, верований. Дискурс респондентов при этом в единстве и борьбы противоположностей характеризуется амбивалентную языковую личность. В данной диспозиции актуализируется многоголосие. Полифонический субъект «разрывается» в своем двояком мнении, выраженном соответствующими лексемами маркерами (смещение 1-го и 2-го л.): «У меня противоречивое отношение к выборам, с одной стороны *ты* выполняешь свой долг, изъясляешь своё мнение, с другой стороны – *не* считаю выборы честными по отношению к избирателям».

Дискурс респондентов относительно *митингов и акций протеста* сформировался в диспозициях: позитивная, негативная, амбивалентная, нейтральная. В *позитивной установке* характеризуются две категории граждан – «участвующие» (протестующие) и «не участвующие» (поддерживающие, «сочувствующие» – «уважение к протестующим») в митингах и акциях протеста. Позитивное отношение к данным формам ПД явлено в следующих ценностных смыслах и понятиях: «интерес» («любопытство»), «осознанная необходимость», «выражение недовольства», «возможность донести свою позицию», «тематическая обусловленность», «содействие решению проблем», «справедливость». В дискурсе респондентов эксплицированы необходимые субъективные и объективные требования («законность», «мирная атмосфера», «анонимность», «тематическая обусловленность») и ограничения к названным формам ПД: «отсутствие подобных форм в городе (стране)», «отсутствие времени / здоровья / мотива». В данной диспозиции неучастие в митингах и акциях протеста актуализирует аргумент «бесполезность» («бессмысленность») адресата «скептика-пессимиста». В обратной активной позиции адресат фигурирует в роли адресанта ПД. Политический дискурс явлен как динамическая система субъект-субъектных отношений, преодолевающая

догмат институциональности. Сами анализируемые формы, как и дискурс респондентов, их интерпретирующий, суть актуализация естественного процесса взаимодействия собственно институционального и персонального типов дискурса, указывающая на равную значимость условно называемых ролей агентов и клиентов. ПД явлен не как догматическая структура исключительно институционального порядка, а как живая система субъект-субъектной коммуникации, в которой происходит активная смена ролей: «К митингам очень положительно. Это необходимая мера для современного взаимодействия государства и его граждан. Сама лично в них не участвовала, но не исключаю такой ситуации в дальнейшем. К акциям протеста также положительно. Если людей что-то не устраивает, они должны об этом говорить». При этом актуальны смыслы и ассоциативные образы, способствующие координации действий в адресантно(vs)адресатной коммуникации институционально-персонального (группового) порядка: «современное взаимодействие», «противовес», «нововведения», «исправление ошибок», «контакт»: «Митинги в поддержку? *бравое дело*. Хотя бы так люди могут показать своё отношение к происходящему. Никогда не участвовал в подобных мероприятиях. Протесты аналогично. Людей не устраивает что-то – они идут протестовать, думаю это правильно, так государство может увидеть свои ошибки и исправить их»; «Я позитивно отношусь к митингам, ведь это волеизъявление народа. В современных реалиях не вижу другого способа контакта государства и народа. Я позитивно отношусь к акциям протеста, но при этом не участвую в них по причине того, что в моем городе их не проводят». Приведенные высказывания характеризуют СФ «взаимной фокусировки».

Отрицательная диспозиция к митингам и акциям протеста может быть выражена односложно, а также с представлением аргументов: «отсутствие интереса», «бесмысленность», «бесполезность», «нецелесообразность». При этом некоторые понятия («опасность», «конфликтность» и др.), актуальные в положительной диспозиции в качестве ограничительных условий, явлены в качестве аргументов «против» при негативной диспозиции. В основе неприятия фигурируют негативные смыслы и ассоциативные образы: «толпа», «опасность», «страх», «дискомфорт», «конфликт», «насилие», «раздор», «нестабильность», «революция», «полиция», «разгром», «огонь», «драка», «кутузка», «2-ой Майдан», «агрессия», «дисбаланс»: «Отношусь плохо. Считаю, что это колыбель оранжевых революций»; «Отрицательно. Т.к. не хочу 2ой Майдан»; «Не участвую и не вижу в них особого смысла. Все, что они влекут – это травмы»; «Нет, не вижу в этом необходимости. Власть глуха к крикам митингующих; часто данные акции ни к чему не приводят. А если и приводят, то обычно это массовые драки, насилие и т.д. Как это может помочь обществу? Хотя всё конечно зависит от цели, может быть целью и является: посеять раздор и социальную нестабильность»; «Отрицательно. Акции протеста приводят общество к дисбалансу». Негативно маркировано понятие «толпа» как источник хаоса во всех смыслах. Толпа («стадо») есть негативный субъект анализируемых форм ПД,

формируемый из клиентов агентами политической коммуникации: «Весьма опасно находиться в толпе людей (они могут вести себя неадекватно)»; «Отрицательно. Не участвую. Чувствую себя некомфортно среди большого количества людей». Отрицательная установка, таким образом, реализует режим СФ «дефокусировка».

В целом позитивная и негативная диспозиции в ДР актуализируют соответствующие стороны синергетического процесса как динамического явления преодоления дисбаланса. Данный процесс целено представлен в *амбивалентной установке*. При этом в ряду отрицательных смыслов отмечаем аналогичные понятия, аргументы «против»: «опасность», «страх», «насилие», «дебоширство»; а в ряду положительных аргументов «за»: «возможность выразить мнение», «быть услышанными», «претензии», «недовольство» (для клиентов ПД); «обоснованность», «польза», «справедливость», «эффективность» (собственно для ПД). Невыполнение положительных условий способствует формальной («показуха») актуализации данных форм ПД: «К организованным митингам – хорошо. К неорганизованным и противозаконным – плохо. В митингах не участвую, показуха, все равно, ничего не решает». Интроспекция при интерпретации субъектов коммуникации выявляет субъекта «не активно протестующего», предполагаемого как тип неангажированный: «В акциях протеста зачастую больше смысла, чем в митингах. Не участвую, так как сама по натуре не активно протестующая». *Нейтральная диспозиция* выражена противоречиво подобно амбивалентной диспозиции (эксплицитно и имплицитно). В большинстве случаев нейтральность непоследовательно соотносится с доводами, в реальности обосновывающими позитивное и негативное отношение: «Нейтрально. Не участвую, но отношусь к ним с любознательностью. Всегда интересно, как далеко готовы зайти люди, чтобы отстаивать свои интересы»; «Не участвую, отношусь нейтрально, хотя – делают. Я не хочу быть в зависимости от государства» (респондент – фрирайдер). Формальная нейтральность выражена вариативно, характеризует тип пассивного субъекта, к примеру, ленивого и боязливого: «Нейтрально. Не участвовала. Лень граничит со страхом».

Значимым компонентом релевантного выражения отношения к митингам и акциям протеста объявляется *тематическая составляющая*. Она фигурирует в качестве фактора объединения групп лиц в таких формах ПД, как митинги и акции протеста. При этом важна степень мотивации, степень «возмущения чем-либо» относительно насущных проблем в различных сферах повседневности (сортировка мусора, защита животных, тарифы ЖКХ, пенсионное законодательство): «Нейтральное отношение к митингам. Как-то принимала участие. Зависит от того, чему посвящён этот митинг, если это бредни «навального» для тупых малолеток, то это бред, и я против, и никогда не пойду, если же митинг будет касаться более важных проблем, то, возможно, я приму участие. К акциям протеста отношение такое же, как и к митингам, нейтрально. Акции протеста должны быть обоснованны и иметь вескую причину протеста, должен быть заложен смысл». Тематическая

составляющая при этом релевантна как средство переключения внимания: «Никак. Нет. Как правило, митинги проводят для того, чтобы отвлечь внимание от чего-то более серьезного».

Дискурс респондентов по отношению к *теледебатам* характеризуется в диспозициях – нейтральная, негативная, позитивная, амбивалентная. *Нейтральное отношение* выражено преимущественно односложно. Приводимые доводы колеблются от незнания к выражению собственного мнения. *Отрицательное отношение* так же может быть актуализировано односложно с указанием как на знание, так и незнание предмета обсуждения, и объективные факторы. С другой стороны, объективный фактор, к примеру, «отсутствие телевизора» может указывать на субъективную диспозицию респондента с потенциальной характеристикой его как адресата «теленезависимого». Негативное отношение при этом выражено с использованием эмотивной лексики, характеризующей эмоциональное неприятие («бесят», «нервируют», «раздражает», «испанский стыд»). Отрицательная установка выражена посредством понятий: «бессмысленность», «необъективность», «несерьезность», «бесполезность», «неформат», «отсутствие интереса». Отсутствие интереса – базовый аргумент к неприятию в целом. Эмоциональное неприятие при имплицитно выраженном отсутствии интереса может обосновываться представлением альтернативы, в некоторых случаях и шуточно. С одной стороны, рациональное отрицание при отсутствии интереса отсылает к аргументам «отсутствие новизны», «формализм», с другой стороны, негативная диспозиция раскрывает неприятие стилистики и тональности теледебатов, а также факт игнорирования темы как дискурсообразующего компонента: «Политические дебаты меня не вдохновляют. Много формализма. Не интересно!»; «Теледебаты не смотрю. Ничего нового там не скажут»; «Не очень отношусь. Крики, оры и пропаганда»; «Ужасно отношусь. Похожи все как один на курятник, все друг друга перебивают. Смотрю иногда, только потому, что муж любит». Таким образом, интерпретация ДР относительно теледебатов позволяет выявить противоречие с точки зрения реализации их формы и содержания: с одной стороны, теледебаты позиционируются как формальный феномен, с другой стороны, выявляется факт невыполнения формальных (и содержательных) требований. Актуализация фактора «интерес» / «отсутствие интереса» соотносится также с тематической составляющей: «Политики не контролируют речь, хамят друг другу, не могут связно разговаривать и всё время уваливают с темы».

Положительное отношение выражено без аргументации, в некоторых случаях эмоционально в различной степени («крайне», «люблю», «обожаю»). Подобно отрицательной диспозиции, позитивное отношение обосновывается аргументом «интерес» неформально («очень сильный интерес», «неформальная обстановка», «достойный кандидат», «выявление компетентности») и формально. Неформальное отношение эксплицирует ценностный аспект. Особое значение приобретает актуализация формально-процессуального характера дебатов, способствующего приобретению

компетентности с точки зрения полезности: «Абсолютно положительно. Благодаря им, мы можем оценивать политических деятелей вне официальных бумаг. Регулярно смотрю».

Амбивалентное отношение выражает противоречивую диспозицию, включая такие аргументы как «ситуативность», «ограничения», «интерес». Специфика негативного отношения как компонента амбивалентной диспозиции выражена в аргументе / мотиве «антиэстетическое удовольствие» посредством таких ЛЕ, как «глумление», «ирония», «недоверие», «глупость кандидатов»: «Смотрю их только ради того, чтобы убедиться в том, насколько глупы кандидаты. Они из кожи вон лезть будут, чтобы показать зрителям своё превосходство, а, по сути – ничтожество ничтожеством». Данный мотив актуализирует развлекательную функцию посредством ЛЕ «шоу», «цирк», «клоунада», «сборище клоунов», «веселье»: «Смотрю и отношусь к ним как к *шоу*»; «Из теледебатов чаще всего *устраивают цирк*, где политики стараются запомниться не программой, а своей личностью и какими то скандалами, их смотрю редко»; «Как к клоунаде в основном. Может, смотрела не то, что стоило бы. Но желание видеть это отсеяно навсегда». Амбивалентное отношение являет собой диспозицию, в наибольшей степени направленную на вовлеченность в субъект-субъектную коммуникацию. При этом актуальны мотивы «включенность» в реальный процесс политической коммуникации самих клиентов ПД, а также «призыв к объективности»: «Как-то ходил на политдебаты, в кружок. Там простые ребята выступали. Было интересно. А по телику бредятина, они вообще видят себя со стороны? Очень громкие оры ни о чем».

Отношение к *политической рекламе* выстроилось по следующим направлениям – негативное, нейтральное, амбивалентное, позитивное. *Негативное отношение* превалирует в дискурсе различных категорий респондентов; реализуется односложно (номинативно и предикативно) в дифференцированном диапазоне чувств и эмоций (рвотные позывы, бесит, отвращение (ближе к отвращению), неприязнь, негодование, раздражение, ужасно, недоверие, неинтересно, смех, ирония, бал-маскарад, умиление, испанский стыд). Объект интерпретации – политическая реклама – характеризуется ЛЕ с негативной коннотацией: натянутая, приставучая, не креативная, некачественная, вычурная. Негативная диспозиция эксплицирует ценностную составляющую (игнорирую, ненужная для меня информация), на базе критерия «истина/ложь» («ложь», «обман», «честные лица», «благородные устремления», «завираются»). ДР при этом фиксирует актуализацию комиссивов, выражаемых в будущем и прошедшем временах (обещания ... в итоге не выполняют; невыполненные обещания). Негативная диспозиция актуализирует прагматизм, утверждающий отсутствие таких понятий, как «эффективность», «польза», «уместность». Дискурс значим обратной связью, диалогичностью, выраженной косвенными речевыми актами, репликами: «Хочется выключить», «Переключите рекламу, плз», «Закатывание глаз считается?». Негативное отношение выражается также в неприемлемости внушения и воздействия, номинативно и предикативно в ЛЕ

«программирование», «заманить рекламой»: «*Негативные*. Как правило, мною воспринимается это как *программирование населения*»; «Отрицательные, ведь в них нет особого смысла. Современных людей *не заманишь рекламой*». Во втором примере указывается на неэффективность стратегии воздействия в современных условиях. Негативная диспозиция дополняется прескрипциями, указывая на континуальную природу дискурса: «Плохо отношусь, не люблю это. Лучше показывать подобную рекламу в специально отведенных местах, а она обычно повсюду». *Нейтральное отношение* выражено чаще всего односложно и развернуто («Нейтрально», «Равнодушие», «Ничего не испытываю», «Абсолютно никаких эмоций не испытываю» и др.). Оно формируется исходя из принципа «от общего к частному», т. е. политическая реклама рассматривается как вид рекламы, но не повсеместно. В качестве аргументов актуальны: «интересы», «право», «политическая позиция»: «Я испытываю чувство безразличия. Я знаю свою политическую позицию»; «Нейтрально. Это право каждого политика рекламировать свою деятельность»; «Нейтрально, это меня пока не касается, не мои интересы». *Амбивалентная диспозиция* закономерно реализует контрадикторные (смешанные) чувства и эмоции, а также наличие элементов нейтральности: «При виде политической рекламы, испытываю смешанные чувства, потому что реклама может, быть разной»; «Иногда интерес, иногда нейтральные». *Положительное отношение* выражено односложно («Интерес», «Заинтересованность») и развернуто. Оно актуализирует прагматическую («приятно видеть лица и слышать голос») и ценностную составляющие («можно узнать, что предлагает избиратель»). Позитивная диспозиция обращена к конкретным условиям, соотносимым к собственно рекламе («реклама грамотная») и к адресантам («реклама достойных политиков») ПД. Подобно негативной диспозиции при позитивном отношении актуальны аргументы «польза», «эффективность», выполняющие организующую функцию: «Хорошо. Помогает людям сделать *правильный выбор*». Комментарии раскрывают ценностно-стратегический аспект, репрезентирующий эмоциональное отношение респондентов к проблеме: 1) «Только положительные, мне *приятно видеть* лица и *слышать* голос людей, которые управляют нашей страной»; 2) «Положительные, можно узнать, что предлагает избиратель. Главное, чтобы потом сдержал слово». Во втором комментарии актуален диалогический характер дискурса.

Особого внимания заслуживают дискурсы респондентов, в которых в разной степени представлен факт наличия феномена внушения и воздействия, релевантного в различных диспозициях. В целом, значимым выводом представляется указание на дискурсообразующий фактор хронотопа при интерпретации стратегии воздействия как объекта исследования. При этом в результате анализа дискурса респондентов (около 400) различного социального статуса, возраста и пола в 95% констатируется факт неэффективности стратегии воздействия в современных условиях политической коммуникации, лингвистически выраженного в ЛЕ с негативной коннотацией. В современной российской лингвокультуре, таким

образом, ПД характеризуется в режиме «взаимной фокусировки».

В **Заключении** диссертационной работы изложены результаты и выводы исследования.

Перспектива дальнейшего исследования проблемы в заданном методологическом ключе может способствовать изучению типологизации адресатности политического дискурса с привлечением новых фактов на основе его тематического расширения как на материале дискурса респондентов в российской политической лингвокультуре, так и других лингвокультур; а также апробации полученных нами результатов в других видах дискурса.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Монография:

1. Грушевская, Е.С. Адресатность в политическом дискурсе: актуализация ценностно-стратегических приоритетов: монография / Е.С. Грушевская. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2019. – 184 с.

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

2. Грушевская, Е.С. Текстовая категория *событие*: информационно-концептуальная и информационно-коммуникативная модели представления / Е.С. Грушевская // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2009. – Вып. 2. – С. 122-124.

3. Грушевская, Е.С. Газетный текст как доминант политического газетного дискурса [Электронный ресурс] / Грушевская Е.С. // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ). – Краснодар: Изд-во КубГАУ, 2016. – № 05(119). – Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2016/05/pdf/58.pdf>, 0,625 у.п.л. – IDA [article ID]: 1191605058.

4. Грушевская, Е.С. Языковая личность через призму политической газетной коммуникации [Электронный ресурс] / Е.С. Грушевская // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ). – Краснодар: Изд-во КубГАУ, 2016. – № 09(123). – Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2016/09/pdf/11.pdf>, 0,688 у.п.л. – IDA [article ID]: 1231609011.

5. Грушевская, Е.С. Текст как презентация языковой личности его создателя / Е.С. Грушевская // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2016. – Вып. 4 (187) – С. 57-62.

6. Грушевская, Е.С. Взаимовлияние принципов типологизации дискурса и актуализации категории адресатности / Е.С. Грушевская //

Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 11-1 (77). – С. 82-85.

7. Грушевская, Е.С. Категория адресатности сквозь призму измерений институционального дискурса / Е.С. Грушевская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 6-3 (72). – С. 99-101.

8. Грушевская, Е.С. Институциональный дискурс как пространство реализации категории адресатности / Е.С. Грушевская // Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал. – Ставрополь: Изд-во ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2017. – № 2. – С. 173-178.

9. Грушевская, Е.С. Стратегический потенциал успешной коммуникации в дискурсивном пространстве / Е.С. Грушевская // Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал. – Ставрополь: Изд-во ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2017. – Вып. 4. – С. 174-178.

10. Грушевская, Е.С. Методологические подходы в исследовании дискурса с точки зрения категории адресатности / Е.С. Грушевская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 9 (87), ч. 1. – С. 73-77.

11. Грушевская, Е.С. Специфика актуализации стратегического потенциала в предвыборном дискурсе / Е.С. Грушевская // Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал. – Ставрополь: Изд-во ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2018. – Вып. 2. – С. 196-201.

12. Грушевская, Е.С. Адресант и адресат в педагогическом дискурсе: концепция взаимодействия / Е.С. Грушевская // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2018. – Вып. 1 (212). – С. 55-59.

13. Грушевская, Е.С. Актуализация субъектного фокуса как основание интерпретации адресатной специализации в рекламном дискурсе / Е.С. Грушевская // Вестник МГПУ: журнал Московского городского педагогического университета. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2018. – № 4 (32). – С. 69-77.

14. Грушевская, Е.С. Опрос как метод выявления и интерпретации основных диспозиций в политическом дискурсе / Е.С. Грушевская // Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал. – Ставрополь: Изд-во ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2019. – Вып. 1. – С. 241-246.

15. Грушевская Е.С. Политический дискурс как пространство актуализации феномена объединения / Е.С. Грушевская // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2019. – Вып. 1. – С. 29-34.

16. Грушевская, Е.С. Тема как операциональная единица для формирования ценностно-стратегических приоритетов в дискурсе / Е.С. Грушевская // Гуманитарные и социальные науки. – 2019 – № 2. – С. 24-31.

Статьи, опубликованные в международных базах:

17. Game as a modern discursive practice in the culture of post-postmodernity el juego como una práctica discursora moderna en la cultura de post-postmodernidad / E.S. Grushevskaya, I.S. Karabulatova, V.V. Zelenskaya [et all.] // Revista de Filosofía. – 2017. – № 85. – P. 192-203.

18. Linguistic and Cultural Characteristics of Virtual Discourse in the Modern Electronic and Digital Society / E.S. Grushevskaya, I.S. Karabulatova, N.Y. Fanyan [et all.] // WoS: Interciencia Journal. – 2018. – Vol. 43 (8). – P. 183-207.

Другие научные публикации:

19. Грушевская, Е.С. О психолингвистических аспектах создания и понимания текста / Е.С. Грушевская // Экология языка как прагматическая сущность: экологический вестник научных центров черноморского экономического сотрудничества. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2006. – С. 72-78.

20. Грушевская, Е.С. Основные параметры смысловой целостности политического газетного текста / Е.С. Грушевская, Т.М. Грушевская // Дискурс: структура, потенциал, стратегии: монография. – СПб.; Краснодар: Изд-во Филол. факультет СПбГУ: Изд-во КубГУ, 2006. – С. 129-144.

21. Грушевская, Е.С. Оценочные составляющие структуры текста: лингвопрагматический аспект / Е.С. Грушевская, Е.Н. Липовая // Дискурс: концептуальные признаки и особенности их осмысления: межвуз. сб. тр. / под ред. В.И. Тхорика, Н.Ю. Фанян. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2007. – Вып. 1. – С. 92-98.

22. Грушевская, Е.С. Лексико-семантические и национально-культурные особенности фразеологических единиц сферы психоэмоционального состояния человека / Е.С. Грушевская, Н.В. Луговая // Дискурс: концептуальные признаки и особенности их осмысления: межвуз. сб. тр. / под ред. В.И. Тхорика, Н.Ю. Фанян. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2008. – Вып. 4. – С. 63-69.

23. Groushevskaya, N. Le principe de pertinence: une approche argumentative / N. Groushevskaya, V. Tkhorik, N. Fanyan // Essays on Language and Translation: From Textual Analysis to Pedagogical Application. – Krasnodar; Portsmouth, 2008. – P. 18-31.

24. Грушевская, Е.С. Текстовая категория *событие* в аспекте новостного представления политической информации / Е.С. Грушевская // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сб. науч. тр. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2009. – Кн. 3. – С. 72-78.

25. Грушевская, Е.С. Политический газетный текст: искусство аргументации / Е.С. Грушевская // Информационная ойкумена ментального

мира: язык, общество, право: сб. науч. тр. / Ростовский государственный экономический университет «РИНХ». – Ростов н/Д, 2009. – С. 92-97.

26. Грушевская, Е.С. Политический газетный текст через призму концептуально-личностного диалога автора и читателя / Е.С. Грушевская // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сб. науч. тр. / Ставропольский государственный университет. – Ставрополь: Альфа Принт, 2009. – Кн. 1. – С. 67-73.

27. Грушевская, Е.С. Категории политического газетного текста: сущность и основные параметры / Е.С. Грушевская // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сб. науч. тр. – Ростов н/Д: Изд-во РГСУ, 2009. – Кн. 2. – С. 98-103.

28. Грушевская, Е.С. Система кодовых переходов в интерпретации текстовой категории «событие» / Е.С. Грушевская // Филология как фундамент гуманитарного знания: сб. науч. тр. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2010. – С. 73-76.

29. Грушевская, Е.С. Политическая коммуникация через призму интертекстуального взаимодействия / Е.С. Грушевская // Язык. Личность. Культура: сб. науч. тр. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2010. – С. 214-216.

30. Грушевская, Е.С. Средства адресованности в политической газетном тексте / Е.С. Грушевская, Т.М. Грушевская // Научные исследования: междунар. сб. ст. – М.; Астана; Кропоткин, 2013. – С. 68-72.

31. Грушевская, Е.С. Контекстный уровень информационно-коммуникативной модели представления политического события / Е.С. Грушевская // Tributum ad Jubilaeum: сб. науч. тр. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2014. – Кн. 2. – С. 73-75.

32. Грушевская, Е.С. Политический интернет-дискурс и информационные технологии в дистанционных формах обучения иностранному языку / Е.С. Грушевская // Культура: история, современность, перспективы: междунар. сб. ст. / Российское общество историков-архивистов (РОИА). – М., 2014. – С. 19-20.

33. Грушевская, Е.С. Корреляция понятий текст и дискурс через призму языковой личности / Е.С. Грушевская // Германистика в современном научном пространстве: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2016. – С. 58-62.

34. Грушевская, Е.С. Реферирование газетной статьи как выработка навыка логического анализа прочитанного (на материале периодической печати) / Е.С. Грушевская // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сб. науч. тр. – Краснодар: Изд-во КубГУ: Просвещение-Юг, 2016. – Кн. 8. – С. 27-31.

35. Грушевская, Е.С. Институциональный дискурс как интеграция когнитивных, интенциональных и социальных факторов коммуникации / Е.С. Грушевская // Дискурс в синтагматике и парадигматике: сб. науч. тр. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2017. – С. 82-88.

36. Грушевская, Е.С. Песенный дискурс как лингвоконцептуальный феномен современной этнической общности / Т.М. Грушевская, Е.С.

Грушевская, Н.В. Козлова // Когнитивно-дискурсивные исследования в языке и речи: коллективная монография / под ред. В.В. Катерминой. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2017. – С. 6-29.

37. Грушевская Е.С. Политический, педагогический и рекламный как базовые дискурсы структурирования идейно-мировоззренческого пространства современного общества / Е.С. Грушевская // Когнитивные парадигмы языкового сознания в современной лингвистике: материалы II Междунар. науч. конф., 11-12 октября 2017 года. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2017. – С. 101-106.

38. Грушевская, Е.С. Дискурс: соотношение понятий / Е.С. Грушевская // Когнитивно-дискурсивное пространство в современном гуманитарном знании: сб. науч. тр. / под ред. И.П. Хутыз. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2017. – С. 77-84.

39. Грушевская, Е.С. Языковая личность как доминанта дискурса и стержень текстового произведения / Е.С. Грушевская // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сб. науч. тр. – Краснодар: Изд-во КубГУ: Просвещение-Юг, 2017. – Кн. 11. – С. 32-36.

40. Грушевская, Е.С. Педагогический дискурс: диалогическое пространство адресата и адресанта / Е.С. Грушевская // Дискурс в синтагматике и парадигматике: сб. науч. тр. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2018. – С. 59-64.

41. Грушевская, Е.С. Языковая личность: многослойность структуры / Е.С. Грушевская // Язык и речь в синхронии и диахронии: материалы Междунар. заочной науч. конф., Таганрог, 24 ноября 2017 г. – Ростов н/Д: Изд-во Таганрог. ин-та им. А.П.Чехова (филиал) «РГЭУ (РИНХ)», 2018. – С. 45-47.

42. Грушевская, Е.С. Типология адресатной специализации институционального дискурса / Е.С. Грушевская // Романская филология в контексте современного гуманитарного знания: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под ред. Н.Ю. Фанян. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2019. – С. 103-108.

43. Грушевская, Е.С. Феномен объединения как ценностно-стратегический принцип дискурса / Е.С. Грушевская // Человекознание: сб. ст. XXXIX Междунар. науч. конф. – Кемерово, 2019. – С. 4-6.

44. Грушевская, Е.С. Новые тенденции в интегративном пространстве видов дискурса / Е.С. Грушевская // Социально-гуманитарное знание как катализатор общественного развития: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Белгород, 2019. – Ч. 1. – С. 42-44.